

ВРЕМЯ

ОДУВАНЧИКОВ

ЕВГЕНИЙ ГИРЕНКО

18+

Евгений Гиренок
Время одуванчиков

«Автор»

2023

Гиренок Е.

Время одуванчиков / Е. Гиренок — «Автор», 2023

Начало 90-х... Убийство библиотекаря в провинциальном городке потянуло цепь событий, которой оказались скованы самые разные люди. Мелкого преступника Джема нанимают отвезти загадочного старца. Они встречают Янку, бывшую наркоманку, пытающуюся изменить свою жизнь. Капитан госбезопасности Степанов идет по следу убийцы, увязая в липкой паутине интриг и секретов. У каждого из них свой путь, но все дороги ведут в Крым, где совершено еще одно похожее убийство. Магические артефакты, тайные общества, древние легенды — каждому герою предстоит прикоснуться к необъяснимому и познать свою суть. Смогут ли они объединиться, чтобы противостоять жестокому убийце?

© Гиренок Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог. Берсенов	5
1. Петров	8
2. Янка	10
3. Светлицкий	13
4. Джем	16
5. Степанов	18
6. Янка	20
7. Джем	23
8. Светлицкий	26
9. Степанов	28
10. Джем	31
11. Янка	33
12. Степанов	36
13. Джем	40
14. Светлицкий	43
15. Степанов	46
16. Джем	49
17. Степанов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Гиренок

Время одуванчиков

Пролог. Берсенеv

Смерть иррациональна, тем более насильственная. Она пугает, отталкивает, напоминает о том, что нет ничего вечного. Но лицо человека в старом кресле выражало спокойствие и умиротворенность. Казалось, он просто задумался, ушел в себя. Для него уже не стояло вопросов, все ответы он получил, и расплывшееся красное пятно на груди вокруг серебряной рукоятки стилета воспринималось как жирная точка.

Косые плети дождя хлестали в окно и гремели по железному карнизу. Просторная комната с книжными полками вдоль стен от пола до потолка заполнилась людьми в мокрой одежде. Опера привычно делали свою работу. Щелкал вспышкой фотоаппарат, составлялись протоколы, снимались отпечатки. Следователь задавал вопросы пожилой женщине, соседке, вызвавшей милицию.

Старый дом на окраине захолустного городка Епифань в Тульской области на полночи стал центром внимания. Синие всполохи мигалок в ночи собрали небольшую толпу любопытных. Прячась под зонтами у штакетника, они высказывали свои версии произошедшего и жадно ловили каждое движение в светящихся окошках.

Времена стояли смутные, в областных газетах криминальная хроника то и дело сообщала о каком-нибудь убийстве, но в Епифани пока не было таких случаев. Конечно, все слышали о новых русских, отмороженных братках, шальных деньгах, перестрелках и разделе территорий. Но к жестоко убитому хозяину дома это никак не относилось.

Его не то чтобы хорошо знали, но в таком маленьком городишке каждый волей-неволей будет на виду. Берсенеv Николай Павлович, пенсионер, при советской власти был директором городской библиотеки. Жил он один, очень скромно, никогда не давал повода для сплетен. Хотя его размеренный распорядок дня с обязательными ежедневными прогулками по городу в любую погоду был частой темой разговоров соседей.

Конечно, никому в голову не пришло бы сравнивать его с Кантом, по которому жители Кёнигсберга могли сверять часы – в Епифани и философа такого никто не знал. Однако, в отличие от прусского мыслителя, никогда не выезжавшего дальше пригородов, Николай Павлович почти каждый месяц уезжал на несколько дней. Соседи поговаривали, что он ездил к родственникам в Москву, кто-то высказывал предположение, что он посещает музеи и галереи, но точно никто ничего не знал.

Ни один человек в Епифани не мог сказать, что беседовал по душам со старым библиотекарем. В дом он никого не приглашал, дружбы ни с кем не водил и старался избегать разговоров о политике и текущем моменте, в магазине всегда брал один и тот же нехитрый набор продуктов. Но всегда относился к людям очень благожелательно, участливо расспрашивал, иногда что-то подсказывал, советовал.

К нему давно все привыкли, принимали как есть, не лезли в душу, не стремились раскрывать свою – он как будто жил параллельно, практически не пересекаясь ни с кем, в своей реальности, в своей вселенной. Которую сегодня кто-то разрушил.

Дождь закончился. Народ разошелся по домам. Потрепанный Уазик-«буханка», завывая мотором, увез тело в морг, милицейские машины тоже почти все разъехались, остался только «жигуленок» оперов и вишневая «девятка» следователя из райцентра. Усатый крепыш в кожаной куртке осматривал ящики письменного стола, доставая пачки листов, исписанных мелким

почерком. Ему бросилась в глаза фраза, подчеркнутая жирной карандашной линией, и он прочитал вслух:

– Если кто думает, что нечто познал и знает, он еще не познал так, как следует познать. Как тебе, Николай Иванович, звучит?

Его пожилой напарник машинально кивнул:

– Глубокомысленно. Я знаю, что ничего не знаю. Старичок, видно, любил подумать.

Следователь внимательно рассматривал книги на полках. Труды христианских апологетов соседствовали с Марксом и Адамом Смитом, а дореволюционные издания чередовались яркими корешками с фамилиями Фоменко и Носовского. Несколько явно старинных фолиантов просто лежали стопкой, в каждом из них торчали разномастные закладки. Пачки толстых исторических журналов, географические обозрения, какие-то альманахи были свалены в кучу безо всякой системы.

Пожилой оперативник спросил:

– Что, Михаил Самуилович, не видишь там ничего ценного? Из-за книг его не могли убить?

– В Епифани? Из-за книг? – хмыкнул усатый.

Следователь спокойно ему ответил:

– Семен, если ты сам не читаешь книг, это не говорит о том, что для других людей они ценности не имеют. Вот, например, эта Библия почти половину твоего «жигуля» стоит.

Оперативник парировал:

– Что-то мне сомнительно, что в этой дыре такие книголюбы есть. Я думаю, это залетные.

Следователь вздохнул.

– Шаббат мне испортили, злодеи... Кстати, а зачем здесь второй выключатель на стене? Николай Иванович, проверь, пожалуйста...

Пожилой опер обернулся, поймал взглядом направление и, подойдя, нажал клавишу. Раздалось тихое жужжание, и часть вертикальных книжных полок вдруг повернулась вокруг своей оси, открывая вход в небольшое помещение. Семен от неожиданности схватился за рукоятку пистолета в наплечной кобуре, но не вытащил, удержался. А следователь спокойно подошел и заглянул в тайную комнату.

Книги. Много книг. Но в основном они были как бы из одной серии. Даже беглого взгляда на корешки со свастиками и руническими знаками следователю хватило, чтобы принять решение.

– Николай Иванович, звони в район, в госбезопасность. Уверен, тут для них найдется работа. Только попроси не задерживаться по возможности, хотелось бы к утру домой попасть.

Минут через сорок подъехала серая «волга». Из машины выскочил подтянутый шатен в сером костюме и, тщательно обходя лужи, вошел в дом.

– Всем доброй ночи. Шаббат шалом, Михаил Самуилович. Что тут у вас интересного?

Следователь пожал ему руку.

– Привет, капитан. Вот, смотри. Книжечки очень интересные. Я, конечно, не знаток рун, но мне кажется, все это связано с Аненербе.

Чекист внимательно осмотрел комнату.

– А сколько деду лет было? Семьдесят пять? Понятно. Вполне может быть эхо войны. Надо разбираться. Прокачать старичка по базам. А то может оказаться, что он никакой не Берсенов, а Курт Йодль какой-нибудь. Может, за эту ниточку потянем, вытянем и мотив убийства, и заказчика, и исполнителя... Я своему руководству доложу, возможно, они совместную бригаду решат создать – вы по своему профилю отработаете, мы по своему.

Холодный весенний рассвет быстро превращался в солнечное утро. Вскоре краски дня уже всю игру играли во дворе старого дома. Машины разъехались, и о ночной трагедии напоминала только дверь с белеющими бумажными полосками с синими печатями.

В областном управлении госбезопасности пожилой полковник прочитал сводку за последние сутки и задумался. Из пачки папирос выбил одну, привычно смял мундштук, чиркнул спичкой и закурил, выпустив струю сизого дыма. Потом подвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер, по которому не звонил уже лет пять, но помнил наизусть. Выждал два гудка, нажал на рычаг, сбросил вызов и снова набрал номер. На том конце ответили, и мужской голос произнес:

– Говорите, вас слушают.

Полковник пару секунд помедлил и сказал.

– Код тринадцать. У нас минус один.

Ответа не последовало, только послышались короткие гудки. Полковник сделал глубокую затяжку и затушил папиросу в стеклянной пепельнице на столе.

1. Петров

Он еще вечером понял – что-то случилось. Смутное ощущение тревоги заползло в душу, как змея, и притаилось. Не было никаких видимых причин, все шло как обычно. Каждый его день с понедельника по пятницу походил на предыдущий, лишь по субботам он ходил в магазин, а по воскресеньям в церковь. По-настоящему он жил только книгами, которые как супертопливо для полета мысли, занимали большую часть его дома.

Зачитавшись, он задремал в кресле и в состоянии тонкого сна, на границе реальности, вдруг увидел в черноте космоса лицо молодой девушки с длинными волосами. Полсекунды, краткий миг, все исчезло, и только тихий голос произнес:

– Помоги ей, брат.

Лонгин. Его голос. Сколько лет они не виделись? Десять? Он затруднился бы ответить сразу, но это ничего не меняло. Случайностей не существует, все, что происходит, это один грандиозный план, замысел, который осуществляет Творец. Помогать Творцу – это призвание его, Лонгина и других братьев, дело жизни, ее смысл и цель. Но почему-то в последнее время его часто одолевали сомнения. Прямота избранного пути все чаще изгибалась вопросительным знаком.

Он подошел к старинному зеркалу в резной деревянной раме и внимательно всмотрелся в отражение. Старик, совсем старик. Годы пролетают, как дни, нисколько не приближая к цели. Она все так же эфемерна и расплывчата, как в начале пути. Но если тогда было вдохновение, энтузиазм неопита, то теперь только усталость. И спокойствие, граничащее с равнодушием.

Время. Он служит времени, он его верный страж. Но время когда-то заканчивается, оно проходит. Время исчезает перед Вечностью, растворяется в ней. Масло масляно, а время – временно. Служить временному, зная, что когда-то оно закончится, становится все тяжелее и тяжелее. Но и сойти с этого пути он не мог.

Путь. Когда-то все начиналось прямо до дрожи в коленях – настолько он проникся идеей. Идеей высшего служения. Он вспомнил самую первую инициацию. Гора Сион. Совсем не в Аль-Кудсе, как у арабов называется город, который люди непосвященные считают Иерусалимом. А в самом центре Европы, в швейцарском кантоне Вале. Предчувствие войны и весенний ветер свободы. Руины древней крепости. Золотая менора на багряном бархате. Плачущие свечи. Слова нерушимой клятвы. Крест и меч. Песочные часы. И первые откровения о тайнах этого мира.

Он усмехнулся своему отражению. Тайны мира... Самая главная тайна – этот мир выдуманный. Плод коллективного воображения. События, которых не было. Смыслы, меняющиеся в зависимости от текущего момента. Священные слова, за которыми пустота и злоба. История, как непрерывная череда войн, убийств, уничтожения народов. Власть, как сила лжи, обмана, принуждения.

Он видел, как рождались и умирали идеи, как миллионы гибли за то, что через несколько лет становилось проклятием для других поколений. Он видел, как одни убивали других только за то, что они не соглашались с их выдуманной картиной мира. Но видел, что и картина других ничем не лучше. И они умирали напрасно, в полной уверенности своей правоты. Кумиры, вознесенные на пьедестал восторженными поклонниками, изрекали только ложь. Но эта ложь водружалась на знамена, под которыми во имя ускользающих идей уничтожались реальные живые люди.

Большое лучше всего видится на расстоянии, если слишком приблизиться, то можно не увидеть ничего, кроме маленького фрагмента. Оказавшись много лет назад в глухом медвежьем углу, он открыл здесь целую вселенную. Весь мир оказался перед ним как на ладони, и

он видел его как есть. Он знал, что было, что есть и что будет через несколько лет. И это знание давало смысл его жизни.

Его задачей было сохранять баланс, соотношение знания и незнания. Те, кому открыто больше, не дают этому миру сорваться в хаос. Они компенсируют энтропию, не позволяя злу набрать критическую массу. Они над миром, вне его войн, они параллельны ему. Они не подвержены влиянию идей.

Но в последние лет пять он буквально физически ощущал, как катастрофически быстро меняется мир. Процессы, на которые раньше могли уходить столетия, сейчас проходили за десяток-другой лет. Время перестало быть текучим, оно превратилось в тугую струю, разбивающую размеренный ритм. Он порой переставал ощущать себя – сложенная из мириад песчинок картина мира начинала ускользать, рассыпаться, и ветер уносил частицы, скрывая в пыли ясный горизонт.

Утром зазвонил телефон. И, еще не ответив, он уже знал, что ему придется встать, идти и делать то, к чему он призван. Сквозь тысячи километров, продираясь через шум помех, в трубке раздался голос Антония.

– Брат, Лонгина убили. Я думаю, это Анри, он решился заполучить жезлы Гермеса. Я не буду по телефону, ты должен приехать ко мне. Ты в опасности.

Он попытался возразить.

– К тебе? В Феодосию? Ты как себе это представляешь?

– Я найду, кто тебя отвезет, – серьезно ответил Антоний. – К вечеру будь готов. Я еще позвоню.

Тридцать секунд разговора опрокинули весь размеренный порядок. И он знал, что ему остается только следовать за судьбой. Он покрутил диск телефона, набрал номер, выждал два гудка, нажал на рычаг, сбросил вызов и снова набрал. И когда на том конце сняли трубку, сказал:

– Петров. Я уезжаю.

2. Янка

Янка лежала на старом продавленном диване и безнадежно смотрела в потолок. Первые проблески зари уже понемногу высвечивали край неба, а она так и не смогла уснуть. Не помогали даже снотворные таблетки матери, которые она нашла в домашней аптечке. Прошел уже год, как мать отправилась в другой мир, и Янка осталась одна. За это время она ни разу не заглядывала в коробку с лекарствами. Но вечером так скрутила ноющая, выламывающая суставы боль, что Янка чуть на стену не полезла и тогда перерыла все шкафы в надежде найти что-нибудь обезболивающее.

Она уже несколько месяцев плотно сидела на «белом». И даже толком не могла осознать, как же так получилось. Умная девушка с филологическим образованием превратилась в наркоманку и фактически жила от укола до укола. А начиналось все так романтично – красивая музыка, ароматный дым, власть цветов и вечная любовь. И предложение Сэнди вместе взлететь туда, где нет ни печали, ни зла, ни гордости, ни обиды...

А потом все свелось к тупому добыванию денег, продаже бабкиного золота, беготне по ломбардам и мутным раскладам с добычей кайфа. И, глядя на себя в зеркало, Янка видела сорокалетнюю старуху с темными мешками под глазами и тусклым взглядом. А ей всего двадцать шесть. Никому не удастся обмануть наркотики. Если тебе сегодня нравится дым, то завтра, скорее всего, захочется чего-то сильнее. Понятно, что общих случаев нет, но вот Янке не повезло – стать исключением из правила она не смогла.

Но два дня назад она сказала себе – хватит. Надо выбираться. Она должна вырваться из этого ада и начать другую жизнь. Оказалось, что это только на словах легко. К вечеру первого дня без кайфа она уже места себе не находила. Металась по квартире, пыталась занять себя, что-то читать, смотреть телевизор – бесполезно. Тело настойчиво требовало допинг. Янка пыталась молиться, мать с детства приучила ее читать коротенькую Иисусову молитву, но и это не помогало. Иисус молчал и ничего не отвечал. С тем же успехом можно было обращаться к шкафу. Из носа текли ручьи, глаза слезились, но в целом еще было терпимо.

Хуже всего, что постоянно звонил телефон и кто-нибудь из друзей пытался вытащить ее из квартиры. Но она знала – если сделает хоть шаг за порог, все вернется на круги своя. Поэтому просто выдернула шнур из телефонной розетки. Но на второй день руки уже сами тянулись включить его обратно и позвонить, чтобы кто-нибудь привез ей немножко «лекарства». Это было похоже на раздвоение личности. Одна ее половина сопротивлялась изо всех сил, в то время как другая рисовала соблазнительные картины кайфа и всячески убеждала, что без этого нельзя.

Янка настолько распахивалась, что разбила телефонный аппарат о стену и ножницами искромсала телефонный шнур. Ей хотелось отрезать малейшую возможность добыть наркотики. И худо-бедно она смогла дотянуть до вечера. А потом разверзся ад и накрыл ее с головой. Голос Сэнди насмешливо звал:

– Ну что ты, малыш, ради чего это все? Вот, смотри, у меня есть лекарство для тебя... Папочка вылечит свою маленькую девочку... Позвони мне, малыш...

– Заткнись, тварь! – Янка буквально кричала в черную пустоту. – Я тебя ненавижу!

Она пыталась выпить водки, но не смогла сделать ни глотка, настолько ей стало противно. Потом бросалась на колени и шептала:

– Отче наш, иже еси на небеси... – Затем хватала старый Псалтирь и читала девяностый псалом: – Живый в помощи Вышнего в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...

Но никакие молитвы даже на минуту не могли отвлечь от тупой боли. Господи, да как же все это получилось? Ее покрывал липкий вонючий пот, колени ломило, пальцы скрючивало.

Минуты казались часами, а ночь – бесконечной. В углу тихо шипел телевизор. Мириады черных и белых точек бомбардировали экран изнутри, сливаясь в причудливые картины. У Янки не было сил его выключить.

С рассветом она поняла, что не выдержит. Но в то же время ей было безумно жаль, что эти три дня страданий могут оказаться напрасными. И тогда само собой пришло решение. Надо уехать из города, уехать туда, где она никого не знает, где точно не найдет наркотики. Надо отсидеться в лесу. Тем более, что лес она любила, не боялась ходить одна еще со студенческих времен и даже умела разводить огонь.

Сразу стало легче. Навязчивые мысли отступили, и вдруг оказалось, что боль вполне терпимая, она как бы отошла на задний план. Янка встала с постели, набрала горячую ванну и долго лежала в ней, чувствуя, как в воде перестало тянуть колени и выворачивать суставы. Потом долго сушила полотенцем длинные волосы и собирала рюкзачок. Сделала несколько бутербродов, взяла пакетик сушек, в пластиковую бутылку из-под «Херши» набрала воды. Аккуратно положила в рюкзак небольшое легкое синтетическое одеяло, шерстяные носки и еще несколько вещей.

Она посмотрела на себя в зеркало. Расклешенные джинсы, американская солдатская куртка, разноцветная шелковая повязка на лбу – классический прикид из семидесятых. Время, которое Янка любила всей душой. Пинк Флойд, Дженис Джоплин, Лед Зеппелин – их музыка давала ей особый драйв, странное настроение, позволяющее идти сквозь реальность, не касаясь ее. Жаль, красный плеер с любимыми кассетами давно был отдан за пару «чеков» с белым порошком.

Солнце уже светило вовсю, но город еще не проснулся. Янка шла по пустым улицам, с наслаждением вдыхая свежий утренний воздух. Яркие краски северной весны поднимали настроение. Ослепительно зеленая листва, изумрудная трава, старинные желтые дома, бездонное голубое небо. Янка любила свой город, и центральный проспект, по которому шла, казался дорогой в другой мир. Ненастная серость последних недель растворилась без следа, и Янка чувствовала, как ее наполняет тихая радость. Она знала, что все будет хорошо, она соскочит.

Янка прошла через идеально круглую площадь Гагарина, поднялась по широкой гранитной лестнице к зданию вокзала, на котором красовались большие белые буквы Petroskoi. Она решила сесть на ближайший поезд и мельком глянула расписание. Через двадцать минут должен отходить пригородный на Медвежью Гору, но у нее не хватало денег на билет. Янка решила, что главное попасть в поезд, а там видно будет, поэтому взяла билет до Мянсельги.

Вагон оказался полупустым, поэтому Янка удобно устроилась на деревянном сиденье и стала смотреть в окно. Понемногу пригороды сменились деревнями, а потом началась сплошная стена леса. Поезд, неспешно постукивая колесами, проплывал среди остроконечных елей, белых берез и редких сосен. Иногда за деревьями проблескивала зеркальная гладь небольших озер с заболоченными берегами, а временами мелькали ручейки и маленькие речушки. Когда поезд проезжал над ними по железным мостам, менялся ритм и звук движения.

Пассажиры понемногу прибывали. На каждом полустаночке в вагон подсаживались все новые люди, и уже становилось тесновато. В Кондопоге рядом с Янкой расположились два забавных деда. Они были похожи как близнецы – оба белые, бородатые, носы картошкой. Только один был в очках, а второй с выцветшими голубыми глазами. И тот, что без очков, продолжил какой-то начатый раньше разговор.

– Я тебе говорю, по преданию, на тех землях когда-то жили совсем другие люди. Необыкновенно сильные и красивые. Стройные как копьё. И что интересно, даже не то чтобы светловолосые, а скорее, золотые. У них было свое, особенное знание. И своя особенная вера. Она не позволяла им убивать людей. На них напали люди с запада, но золотоволосые не стали с ними воевать. Они вышли к ним навстречу и сказали: «Берите все, что вам нужно, мы научим вас, чему хотите, но не воюйте».

Дед в очках отмахнулся.

– Да ну, дураки какие-то. Если они не готовы к отпору, значит, их сомнут и уничтожат. Скорее всего, те люди были слабыми и никчемными, если не могли за себя постоять.

Рассказчик прервал его жестом руки.

– погоди. Вот слушай. Да, те, кто на них напал, тоже так думали. Вместо того чтобы стать добрее, они, наоборот, проникались злобой от этих слов. Начали убивать золотоволосых. Мечами, топорами, ножами. Вырезали всех мужчин, – а добрые даже не сопротивлялись, только руками закрывались. В общем, даже детей всех убили, а золотоволосых женщин забрали себе. Но остался в живых один древний старик. А так было, что всеми знаниями владели только мужчины. Научил-рассказал он молодым девушкам и седым старухам свое знание. Каждой сказал одну мудрость. И велел своим детям тайные знания эти передавать. После этого умер, он был очень старым.

Дед немного помолчал, как бы придавая вес своим словам, и продолжил:

– Дурную кровь пришельцев переборола материнская кровь золотоволосых людей. А из женщин кто-то сумел передать тайное знание, а кто-то и забыл. Но могло знание и по крови передаваться. А пришельцы новорожденных младенцев забирали у матерей, отбирали мальчиков. Но женщины спрятали одного мальчика и успели ему рассказать, что смогли. А старик сказал перед смертью: «Когда все знания соберутся у одного мужчины, тогда мы избавимся от врагов и наступит хорошая жизнь!» И вот сейчас ходят потомки золотоволосых по нашей земле и собирают свое тайное знание. А вот когда соберут, тогда и наступит конец этого света и будет другой.

Дед в очках захихикал.

– Да ну тебя, Николаич, я думал ты какую-то действительно серьезную историю мне рассказываешь, а ты сказочку тут задвинул.

Николаич возразил:

– Это не сказка, это наша карельская древняя легенда. Ты же знаешь, наши земли граничат с землей вепсов, поэтому тут все переплелось. Тут очень много смыслов в этом рассказе, очень много. Но я тебе их объяснять не буду, ты их все равно не поймешь, – и хитро прищурился.

Дед в очках еще больше развеселился.

– А я с бутылочкой к тебе вечером загляну, хочешь не хочешь, а все у тебя выведаю.

Николаич довольно улыбнулся.

– Ладно, так и быть, заходи. Я тебе еще кое-что расскажу. Кстати, ты знал, что если подняться на гору Тарно, которая рядом с горой Лысухой, и загадать желание, то оно обязательно сбудется?

– Слышал, конечно, но сам не пробовал. А ты?

Николаич многозначительно кивнул.

– Было дело. Как-нибудь расскажу.

Янка тоже слышала про эту гору, и она вдруг поняла, что обязательно попробует подняться на нее. Тем более, что поезд шел в ту сторону, и Янка точно знала, какое желание загадает.

3. Светлицкий

Самолет мягко коснулся бетонной полосы и покатился, постепенно снижая скорость. Голос стюардессы жизнерадостно зажурчал в динамиках:

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Санкт-Петербург...

Минут через пятнадцать Светлицкий уже входил в здание аэропорта Пулково, которое в обиходе называли «Пять стаканов». Почти сразу же к нему проворно подбежал молодой человек в модном двубортном пиджаке с золотыми пуговицами и заулыбался.

– Здравствуйте, Андрей Сергеевич! Как долетели? Давайте вашу сумку. Другого багажа у вас нет? Получать ничего не нужно? Тогда пойдете, я машину на стоянке оставил.

– Костя, не тарыхти так, у меня что-то голова раскалывается.

– Так может таблетку дать? У меня в машине есть...

Андрей Сергеевич только рукой махнул.

– Не надо. Давай докладывай, что нового за эти дни.

Костя мигом стал серьезным и, понизив голос, сказал:

– В Епифани убили вашего знакомого, Берсенева.

– Знаю, – кивнул он. – Еще что?

Костя открыл заднюю дверь темно-синего «Кадиллака» и подождал, пока Андрей Сергеевич устроится на светлом кожаном сиденье, потом обошел машину и сел за руль. Завел мотор и, поймав в салонном зеркале взгляд своего пассажира, сообщил:

– Максу карельскому кто-то звонил, поручил человека забрать из какого-то лесного поселка. Шалговаара что ли, я не очень разбираюсь в этих чухонских названиях.

– А кто звонил?

– Неизвестно. Вроде из Феодосии был звонок.

– Вы телефон Макса слушаете, что ли?

Костя пожал плечами.

– Мы же не можем полтора зеленых «лимона» без присмотра оставить.

– Узнает, предъявит вам. Я отмазывать не буду.

Костя ничего не ответил и включил передачу. «Кадиллак», как большой корабль, медленно выплыл со стоянки и выбрался на шоссе, где резко прибавил скорость. Светлицкий надолго задумался.

Он давно уже убедился, что абсолютное большинство людей не способно выстроить протяженные логические цепочки и путает причины и следствия. Винить их в этом нельзя – против отдельно взятого человека работает мировой механизм, задача которого состоит в стандартизации мышления, его упрощении.

Средний человек убежден, что цель и смысл жизни в том, чтобы обеспечивать продолжение этой самой жизни, но даже не отдает себе отчет – зачем. Он с детства уже запрограммирован своим окружением, в него заложено столько конструкторов, что он не в силах в них разобраться. И даже не пытается этого делать, довольствуясь существующим порядком.

Практически все свои усилия он направляет на улучшение материального положения, искренне веря, что в удовлетворении чувственных желаний и есть смысл бытия. Люди тратят время, ресурсы, финансы на то, чтобы обладать как можно большим количеством вещей – но не понимают, что пытаются заполнить бесконечную пустоту. В которую потом и уходят, так и не поняв, зачем они были здесь, но в полной уверенности, что все правильно, что так и должно быть.

Они привыкли ставить себя в центр жизни и все измерять относительно своего ограниченного ума. И не могут осознать такой простой вещи – мир сотворен цельным, законченным

произведением Мастера. В нем одновременно пребывают Адам первый и Адам последний. И перед Мастером они стоят здесь и сейчас, как любой другой человек.

Но Мастер спит. Он шесть дней работал, а на седьмой посмотрел на результат и решил отдохнуть. Уснул и спит. До Восьмого дня. В Книге написано это, но мало кто понимает. Все уже здесь – не вчера, не завтра, а сейчас. Одновременно. Время – одно. Относительно спящего Мастера. Он все сделал так, как посчитал нужным. Каждому дал свободу стать Мастером и творить самому. Но люди выбрали рабство и стали тварями.

Много лет Светлицкий не понимал этого. Считал своей задачей хранить время, объединяя прошлое, настоящее и будущее. Пока не пришло понимание, что все на самом деле не так. И теперь он должен поступить в соответствии со своим пониманием. Он не всемогущий. Он всего лишь один из посвященных. Но сейчас он может изменить этот мир и должен это сделать.

Надо просто признать, что Мастер просчитался. Его план был блестящим, намерения – самые лучшие, реализация – безупречна. Но все испортил завистливый подмастерье, когда Мастер уснул. И пока он спит, ничего не изменится. Мастер проснется, если только рухнет этот мир, его творение. Лестница, некогда открывшаяся Иакову, уже давно просто пожарный выход. И свое предназначение Светлицкий видел так – он должен остановить этот безумный бег в пустоту.

Светлицкий знал, что убийство Лонгина – это лавина. Теперь нельзя предугадать, кого она снесет, а кто останется в стороне. По большому счету его это не волновало. Все пришло в движение, и надо что-то решать. Возможно, это именно тот шанс, которого он ждал много лет.

«Кадиллак» почти бесшумно шелестел по Московскому проспекту. Субботним утром не так много машин, народ еще спит после пятничных загулов.

– Костя, есть у нас в Карелии два-три человека, которых мы можем немедленно задействовать?

– Есть. – Костя коротко взглянул на него в зеркало. – Что нужно сделать?

– Посмотреть за Максом. Мне нужен тот, кого он должен перевезти. Этому человеку вред не причинять, аккуратно доставить к нам на базу.

Костя кивнул.

– Хорошо. Что-то еще?

– Вызови Кренделя, пусть ждет нас в офисе.

Костя достал из кожаного подлокотника черный кирпич с небольшой антенной – мобильный телефон, и несколько минут разговаривал с кем-то, раздавая поручения. Они подъехали к неприметному полуподвальному офису в одном из старых домов на набережной Фонтанки как раз в тот момент, когда туда подходил невысокий лысый крепыш в джинсах и синей куртке-ветровке. Светлицкий усмехнулся.

– Крендель легок на помине. Это ты ему дозвонился или он сам пришел?

– Не, Андрей Сергеевич, я только с Петрозаводском успел решить.

В безлюдном офисе за стойкой ресепшена расположился охранник в униформе, напоминающей униформу нью-йоркских копов, и смотрел маленький телевизор. При виде Светлицкого он испуганно вскочил, рассыпав чипсы из пакета – явно не ожидал увидеть начальство в субботу. Но Андрею Сергеевичу было не до него.

Закрывшись с Кренделем в кабинете, он жестом указал ему на кресло, а сам присел на краешек стола.

– Слушай внимательно. В Тульской области есть такой городишко – Епифань. Прямо сейчас выдвигаешься туда. Возьми машину попроще, чтобы не светиться. Там убили библиотекаря. Мне нужно, чтобы ты обыскал его дом.

Крендель спокойно спросил:

– Что нужно найти?

Светлицкий подошел к стене, на которой висела копия картины Брюллова «Последний день Помпеи», закрывавшая небольшой сейф. Отодвинув картину в сторону, он набрал код и, открыв дверцу, достал обломок золотого стержня, который обвивали остатки двух змей без голов.

– Поймешь, если увидишь. Должна быть такая же вещь или ее фрагменты. Тут еще золотые крылья были изначально.

Крендель уточнил.

– Типа жезла, что ли? Я в школе что-то похожее видел на картинках про мифы древней Греции.

– Это и есть жезл. Из Керчи, кстати.

Крендель понимающе хмыкнул. Светлицкий строго посмотрел на него и продолжил:

– Я точно не знаю, есть он там или нет, так что осмотри все. Может, тайники какие-то обнаружишь. В общем, задание творческое. Главное, не засветись. И связь только со мной.

Крендель ушел. Светлицкий устало рухнул в кресло и прикрыл глаза. Все, теперь от него уже мало что зависело. Если ему повезет, то он получит второй жезл. И тогда останется дело только за третьим.

4. Джем

Телефонный звонок выдернул Джема из сна. Он приподнял голову с подушки и обвел взглядом комнату, с трудом фокусируя зрение и включая сознание. Вчера, конечно, он пожедал с веселым дымом, последние пару затяжек были лишними. Но желание оторваться, снять напряжение последних дней сделало свое дело – тормоза просто отказали. Да и компания подобралась соответствующая – студенты из универа, им всегда мало.

А тут все сошлось. Джем как раз получил долю с последнего дела – несколько фур со стиральным порошком, вывезенных с одного завода по фальшивым документам, нашли своего покупателя. И пачки сотенных баксов стали достойным завершением красивой комбинации. Поэтому Джем имел полное право расслабиться. Тем более, что встретил на проспекте возле «Корриды» Аню, и она затащила его в общагу универа к своим знакомым. Вечер пятницы, пара гитар, красивая музыка, пиво и дым – Джем обожал такую обстановку. Он настолько расплылся, что слабо помнил, как уже за полночь с Аней уезжал на такси.

Сейчас она лежала рядом, уткнувшись лицом в подушку, и он чувствовал тепло ее тела. Джем попытался ее растолкать, чтобы она принесла телефон, но не смог – Аня только пробормотала что-то во сне и не пошевелилась. А телефон буквально раздирался на части. Дребезжащий звонок ввинчивался в мозг и прогонял остатки сна, хотя сил от этого не прибавлялось. Джем уже заранее ненавидел звонившего, хотя и предположить не мог, кто трезвонил в такую рань. В девять утра в субботу!

Наконец он собрался с силами, выбрался из-под одеяла и поплелся на кухню, где на полу продолжал звонить белый аппарат. Присев рядом с ним на корточки, Джем снял трубку и тихо буркнул:

– Внимательно.

Голос на том конце провода был бодр и энергичен:

– Ты так свою удачу проспай. Просыпайся!

Макс. Человек-загадка. Джем был знаком с ним много лет, часто выполнял для него поручения, иногда даже криминальные, но всегда денежные. Несколько раз они вместе отвисали – причем жестко, по три-четыре дня не приходя в сознание. И при этом Джем понятия не имел, чем занимается Макс, какова настоящая его сфера интересов. Он даже не знал, где Макс живет. Джем одновременно побаивался Макса и уважал его, никогда не пытаясь сокращать расстояние, которое устраивало обоих. Сейчас Макс был краток:

– Через час в «Сайгоне», – и положил трубку.

У Джема не было сил даже разозлиться. Он только почувствовал себя несчастнейшим человеком на свете. Был такой прекрасный план спать до вечера, а потом трахаться с Аней и снова курить, но все провалилось. Хорошо, оставалось время залезть под душ. Он подошел к кровати и довольно бесцеремонно растолкал Аню.

– Вставай, девочка. Нам надо уходить. Выбери – или еще пятнадцать минут можешь валяться, потом уходишь растрепанной, или встаешь и не спеша одеваешься. А я иду в душ.

Аня приоткрыла глаза и скривила губы.

– Ты негодяй. После того, что между нами было, ты обязан теперь жениться. Или хотя бы дать мне поспать.

Джем хмыкнул.

– Как-нибудь в другой раз женюсь. Думаешь, мне большая радость сейчас ехать куда-то? У меня ноги ватные. Я бы с удовольствием до вечера спал...

Через полчаса они вышли из подъезда. Аня небрежно поцеловала Джема и скрылась в проходной арке, а Джем побрел к своей машине. «Форд Эксплорер» — внедорожник впечатляющего вида на толстых колесах. Кенгурин, люстра и дорогая музыка – все, как полагается. Да

еще и в комплектации «Эдди Бауэр» – с люком и светлым кожаным салоном. Джем почти год откладывал все свои заработки, чтобы купить этого красавца. В городе такая машина одна, что очень грело тщеславие Джема. Он порой ощущал себя Одиноким волком Макуэйдом, правда вслух это не озвучивал. Внедорожник он ласково звал «Эдиком».

«Сайгон» – популярное кафе в центре Петрозаводска – располагалось недалеко от озера. По вечерам здесь собирались неформалы и прогрессивно мыслящая молодежь, курили, пили кофе, общались. Шумно, многолюдно, весело – и всегда можно найти того, кто тебе нужен. Если не сразу, то через час точно. «Сайгон» – нерв города, его жизнь.

В последнее время Джем приходилось больше бывать во всяких шалманах, которые пафосно назывались ресторанами – терки с крутыми пацанами в спортивных костюмах, мутные «стрелки» с авторитетами, вязкие разговоры с решалами... Но «Сайгон» всегда оставался для него отдушиной. Джем любил здесь сидеть на подоконнике со стаканчиком кофе, смотреть на девчонок, прикалываться со старыми знакомыми, которым было плевать на его нынешний образ жизни. Они помнили его в рваных джинсах и вытертой кожаной куртке с косой молнией и безо всякого стеснения стреляли сигареты и мелочь на кофе.

Утром в субботу здесь обычно никого не было. Город еще спал. Джем издали заметил двухдверный «Линкольн» Макса и запарковался следом за ним. Тут же в боковом окне появился и сам Макс с двумя стаканчиками кофе в руках, и Джем открыл ему дверь. Тот залез на сиденье и, протянув кофе Джем, усмехнулся.

– Что, оторвал тебя от девочки?

Джем проворчал:

– Следишь за мной, что ли? Сейчас спал бы и спал. Тебе-то чего не спится?

Макс сделал глоток кофе.

– Сам знаешь, надо «лаванду» косить. Есть тема. Подробностей сам не знаю, так что не спрашивай. Старшие товарищи подогнали. Сейчас едешь на один адрес, забираешь человека и везешь, куда скажет. Хоть в Магадан.

– До Магадана бензина много надо...

Макс положил между сиденьями пачку денег.

– Это на расходы. Отчитываться не надо. Не хватит – тратишь свои, я компенсирую. Человек важный, на дорогах беспокойно, сам знаешь. Поэтому «плетку» возьми обязательно, но не спались с ней.

– Блин, Макс, это надолго? А то у меня некоторые планы были...

Макс холодно посмотрел ему в глаза.

– Джем, зачем глупые вопросы? Я же тебе сказал, сам ничего не знаю. Сколько потребуется, столько будешь его возить. За бабки не паришься – тебя отблагодарят по-царски.

Джем, конечно, хотелось конкретики – например, сколько это в баксах, но он знал, что ответа не получит. Поэтому просто кивнул.

– Ладно, адрес давай.

Через пятнадцать минут Джем уже был на выезде из города. На заправке он залил полный бак, купил сигарет и воды. И еще через десять минут черный внедорожник взял курс на север, в глухой лесной поселок под названием Шалговаара.

5. Степанов

Степанов не сомневался, что разгрести книжные завалы в доме убитого библиотекаря из Епифани поручат ему. Заучка, энциклопедист, интеллигент – в Тульском управлении госбезопасности его ценили именно за эти качества. Хотя он и близко не вписывался в стереотипный образ чекиста с холодной головой и чистыми руками. Но ему было наплевать на это. Он не делал карьеру, не стремился выслужиться перед начальством, не руководствовался пафосными лозунгами.

Конечно, он читал сводку и обратил внимание на книги с руническими знаками и фашистской символикой. Он знал, что личность убитого будет пробивать по базам другой отдел, но разбираться с литературой придется ему. Так и произошло. Начальник отдела вызвал его, многозначительно ткнул пальцем в опись, составленную оперативниками, и приказал выдвигаться в Епифань.

Степанов попытался выпросить служебный автомобиль, но майор наотрез отказал.

– Думается мне, ты туда не на один день едешь. Поэтому чтобы не кататься взад-вперед, лучше возьми вещички да остановись там в гостинице. Рациональнее будет. Доклад лично мне. Каждый день.

– Ясно, товарищ майор. Когда выдвигаться? Завтра воскресенье, я на рыбалку собирался...

Майор усмехнулся.

– А то ты не догадываешься. Плакала твоя рыба горькими слезами... В Епифань электрички не ходят, только автобус, и то раза три в день, если я правильно помню. Так что не опоздай.

Часа через полтора Степанов уже рассматривал очередь в кассу на автовокзале. В субботний день здесь, конечно, Вавилон – народ приезжает со всей области, толчея невероятная, духота. Давно бы уж надо здание вокзала расширить да порядок в кассах навести. Майор оказался прав – всего три рейса в день по расписанию. А желающих ехать в Епифань – раз в пять больше.

Стоять в автобусе два с половиной часа Степанову не улыбалось, поэтому он использовал административный ресурс. Показал, где надо, удостоверение и вскоре с комфортом расположился на сиденье под табличкой «Служебные места». И даже еще успел пару чебуреков купить.

Достав из потрепанного кожаного портфеля книгу, обернутую в пожелтевшую газету, он погрузился в чтение, чтобы не терять даром времени, наблюдая за унылым пейзажем. Ничего нового для себя он все равно за окном не увидел бы, а тут разворачивался интересный исторический сюжет. Книга была самиздатской, изъятой у одного антисоветчика еще при коммунистах. Сейчас-то и не такое пишут, а для того времени, середины восьмидесятых, вполне могло потянуть на подрывы устоев и разрушение скреп.

Неизвестный автор достаточно убедительно доказывал, что народный герой, покоритель Сибири атаман Ермак Тимофеевич на самом деле был родом из Крыма, из Феодосии, которая тогда называлась Кафой. Более того, происходил он из семьи евреев-выкрестов по фамилии Колон, которые приехали в Крым из Генуи. В этом ничего особенного, в Крыму много генуэзских колоний тогда было. И когда в Генуе началась чума, многие горожане решили свалить подальше, за море, пересидеть эпидемию. В том числе и некий Готлиб Колон, сын Доминика.

В Кафе он обжился, тут у него сын родился, Тимоти, и потом внук Евсей. Особой пикантности этой истории добавляло то, что у Готлиба Колона в Генуе было два брата – Кристоаль и Бартоломео. И Кристоаль в современной истории известен как Христофор, а испанская фамилия Колон в нашей транскрипции звучит как Колумб. Так что Евсей Колон был внучатым племянником знаменитого мореплавателя. А потом получил прозвище Ермак.

В общем-то, Степанов допускал, что такое вполне может быть. Несколько лет назад ему попалось в сводках сообщение, что в Москве нашли подземный ход из Кремля к Спасо-Зачатьевскому монастырю, и там вроде бы хранились какие-то архивы Опричного приказа. Но что-то при раскопках пошло не так, он толком сейчас не помнил – то ли вода хлынула, то ли пожар случился, но все архивы пропали. Ничего не сохранилось, кроме нескольких документов.

И в одном вроде бы такой текст был: «В лето 7073 года, во второй день июля месяца на допросе оный беглый именовем Евсей Тимофеев сын показал на себя, что рожден в Кафе городе, что от роду ему полных сорок два года, вероисповеданием крещеный еврей, из католиков...». А боярин Строганов как-то писал Малюте Скуратову: «...паки наказуем што оный гультай именовем Ермачишко и родом из Кафы и што челом бивши бает безвинностью сыска на него царевых слуг...»

Степанова все это очень забавляло – получался очень захватывающий историко-политический детектив. Конечно, он не сомневался в способностях родной конторы хранить тайны. И вполне вероятно, что архив не утонул и не сгорел. Просто никому и в голову бы не пришло широко обнародовать такой факт, что былинный русский атаман, казак, на самом деле еврей. Да еще и католик. Что тоже неудивительно, зная про отношения с Ватиканом царя Иоанна Грозного, имевшего имя Тит Смарагд. В конце концов, стал бы посылать Иоанн немалый отряд стрельцов на подмогу человеку, которого не знал?

Тем временем автобус, шумно вздохнув, замер на площади рядом с полуразрушенным собором, и народ устремился к выходу. Степанов с некоторым сожалением убрал в портфель недочитанную книгу, вспомнил, что так и не съел уже остывшие чебуреки, и тоже поднялся.

Городок вызвал у него смешанные чувства. Здесь не было мещанской респектабельности, помпезности и снобизма областного центра. Скорее, наоборот, – бедность и простота. Деревянные домишки наверняка еще помнили нашествие Мамаю и Куликовскую битву, а двухэтажных каменных едва ли набралось бы два десятка.

Епифань – самый что ни на есть классический пример уездного городка. То самое захолустье, так подробно описанное классиками русской литературы XIX века – сонное течение жизни, неторопливый уклад, в котором столетиями мало что менялось. Жить в такой глуши Степанов точно бы не смог.

У бабки, торгующей жареными семечками, Степанов узнал, где находится милиция, и отправился туда. Ему надо было взять ключи от дома библиотекаря.

6. Янка

Янка уже третий час шла по лесу. Едва заметная тропинка змеилась среди деревьев, постепенно поднимаясь в гору. Тарно. Гора исполнения желаний, с которой связано много местных легенд. Кто-то считает ее местом силы, кто-то рассказывает, что в древние времена здесь было языческое капище. Янка большого значения легендам не придавала, но чувствовала, что ей необходимо совершить какое-то внешнее действие для того, чтобы отразить невидимую перемену мыслей, изменение состояния ума.

Ей нравилось здесь. Тихо, красиво, безлюдно. Без сомнения, люди здесь часто ходили, раз даже тропинку протоптали, но она пока никого не встретила. Запах леса щекотал ноздри, свежий воздух бодрил, и Янка встроеилась в неспешный монотонный ритм прогулки. Ей некуда спешить. У нее с собой все, что нужно, и она не собиралась быстро возвращаться. Она даже не посмотрела расписание обратных поездов.

Боль в суставах почти растворилась, и Янка шла легко и спокойно. И в этом было какое-то тонкое удовольствие – не испытывать боли, дышать полной грудью, освободиться от разъедающего желания уколоться. Она видела себя как бы со стороны – маленькая девочка среди сказочного леса, идущая в свой Изумрудный город.

Она почти добралась до вершины. С высоты открывался по-настоящему роскошный вид на Онего. Синева воды простиралась до самого горизонта и сливалась с прозрачным голубым небом, а ослепительный блеск солнца на зеркальной глади создавал ощущение легкости и воздушности. Если бы Янке потребовалось передать эту картину одним словом, то она просто сказала бы – бесконечность.

Похожие чувства она испытала позапрошлой осенью, когда ездила в Крым и решила пройти по туристической тропе в Карадагском заповеднике. На биостанции возле дельфинария собралась тогда маленькая группа таких же любителей пеших прогулок – отдыхающих из пансионата «Крымское Приморье», человек шесть-семь из самых разных уголков бывшего Советского Союза.

Экскурсовод-инструктор, подвижный старичок с белой английской бородкой и лысиной, загоревшей до шоколадного цвета, построил их и осмотрел обувь и запасы воды. Одну женщину, на вид болезненно полную, отправил домой.

– Мадам, поверьте, это в ваших же интересах. Я не пытаюсь утаить от вас красоты Карадага, но вы рискуете испортить себе весь отдых. Давление поднимется, мы даже «скорую» не успеем вызвать.

Янке, которая пришла с новеньким рюкзачком и набором всего необходимого для двух-трехдневного похода, он сказал:

– Юная леди, у меня вызывает уважение ваша экипировка. Наше путешествие, конечно, много времени не займет, это однодневный маршрут, но все равно примите мой респект. Горно-пешеходный туризм для вас не в диковинку, как я понимаю. Вы будете моим ассистентом.

Их поход начался со смотровой площадки. Леонид Маркович, как звали инструктора, привел их туда с таким видом, будто вся окружающая красота принадлежит лично ему. Слева возвышалась громада Карадага, одним своим видом пробуждая в душе уважение и мистический трепет, а далеко справа после Эчки-дага в колышущейся дымке угадывались очертания Меганомы, а все остальное – ослепительно сияющее море и бескрайняя синь неба. Янка буквально таяла от восторга.

Леонид Маркович оказался отменным рассказчиком, а его арсенала историй хватило на весь длинный путь. Он шел рядом с Янкой и увлеченно выдавал занимательные факты, один невероятнее другого.

– А вот еще интересный факт, юная леди. Вам может быть это неизвестно, но на вершине горы находится могила безымянного святого. Наши крымские караимы называют его Азисом. Янка улыбнулась.

– Почему это неизвестно? Я читала об этом. Даже в начале века туда было паломничество больных. Кто сам идти не мог, того несли на руках. И многие получали исцеление.

Леонид Маркович уважительно посмотрел на нее.

– Поразительно, такая молодая девочка, а знает про Карадаг. Хорошо. А известно ли девочке, что в стародавние времена на этой горе был храм богини Кали? И там совершались человеческие жертвоприношения.

– Надо же, – искренне удивилась Янка. – Я думала, Кали – это индийская богиня.

К разговору подключилась подтянутая брюнетка в широкополой шляпе.

– Да, милочка, вы правы. Я в прошлом году была на Гоа и там интересовалась индийской мифологией. Кали – это персонифицированная женская энергия, воплощенное время и сама жизнь. Она уничтожает демонов, но ее гнев может угрожать и самому миру.

– Для меня это темный лес, – призналась Янка. – Но все же удивительно, что в Крыму процветали индийские культы.

Леонид Петрович пожал плечами.

– Почему бы и нет? Сейчас вот всплеск интереса к практикам йогов, а еще больше к Камасутре. А история циклична. Тем более, что история этих мест насчитывает две с половиной тысячи лет. За это время здесь кого только не было.

Брюнетка поддержала его:

– Я вам даже больше скажу. Храмы богини Кали строились вдали от обитаемых мест, но всегда были связаны с какими-то сражениями и битвами. Кали – это энергия Вселенной, а люди всегда стремились получить сверхсилу.

– Знаете, я соглашусь с вами. Есть еще интересная информация. – Экскурсовод даже остановился. – По преданию, Гермес Трисмегист закопал на Карадаге три магических жезла. А эти жезлы – ключ к энергии. Кто ими обладает, тот правит миром.

Янка засмеялась.

– Странно, что никто их еще не откопал.

Леонид Маркович улыбнулся в ответ.

– А вот тут юная леди ошибается. Есть сведения, что два жезла уже нашли, правда в разное время и разные люди. Сюда ведь даже император Александр Благословенный заезжал в свое время по дороге из Ялты. А через две недели скончался в Таганроге. Точнее, инсценировал свою смерть. Вы же в курсе, что он стал странником, отшельником, и прожил почти сто лет?

Янка кивнула.

– Я слышала об этой легенде, но не придавала значения.

Экскурсовод многозначительно поднял палец.

– И совершенно напрасно. Как раз экспедиции императора удалось обнаружить один из жезлов. Их еще называют кадуцеями, это по-латыни. По преданию, кадуцей способен даже оживить мертвого человека. Гермес как-то продемонстрировал это своим современникам.

Брюнетка спросила:

– И вы думаете, что обретение этого жезла так повлияло на Александра, что он оставил свой трон?

Леонид Маркович честно признался:

– Я не знаю. Нет никакой информации об этом, а выдумывать я не хочу. Да и в любом случае, мне больше интересен сам Карадаг, а не чья-то биография, пусть даже императора.

До самого Планерского он неумолимо рассказывал одну легенду за другой, и у Янки даже под конец создалось впечатление, что все значимые события мировой истории происходили именно на Карадаге или в его окрестностях.

Сейчас она с легкой тоской вспоминала тот день. Действительно, уехать бы в Крым, найти работу на сезон, экскурсоводом, например, или хотя бы дельфинов кормить на биостанции. Мысль ей очень понравилась. Карадагская биостанция запомнилась ей очень уютным зеленым местечком, надежно укрытым от любых потрясений. И если удастся там зацепиться, то это помогло бы ей сменить обстановку и прийти в себя.

Ноги уже гудели от усталости, но это было приятное чувство. Силы закончились, но цель Янка достигла – она была на самой вершине горы. И повернув лицо к солнцу, загадала желание. Ей очень хотелось снова вернуться в Крым, и она точно знала, что в ее жизни уже не будет наркотиков.

Она выбрала местечко и, разложив одеяло, с удовольствием растянулась на нем. Бессонные ночи давали о себе знать, дремота мягким облаком окутывала Янку. Она поудобнее сложила куртку, чтобы было помягче, и, накрывшись краем одеяла, провалилась в сон.

7. Джем

После села Паданы в Медвежьегорском районе Джем немного заплутал на лесных дорогах. Карты у него с собой, конечно, не было, да и вряд ли на ней отмечены грунтовки, по которым двигались, тяжело переваливаясь, груженные лесовозы. Ему даже пришлось остановиться один, чтобы вызнать путь у водителя. Грузеный под завязку финский «Сису» замер, прижавшись к обочине, и шумно вздохнул. Водитель открыл дверь и спросил:

– Что случилось, браток?

Джем подошел поближе.

– Я заблудился, землячок. Мне нужна Шалговаара.

Водитель усмехнулся.

– Не бойсь, все правильно едешь. На развилке возьмешь правее. Там есть указатель, но он маленький, не продупли. Тебе километров двадцать пять осталось до поселка.

В этот момент мимо проехал наглухо тонированный черный джип «чероки». Джем машинально глянул на номера, у него давно выработалась такая привычка, но они ему ничего не сказали. Десятый регион, местные. Джем показал на него водителю лесовоза.

– Ничего себе у вас тут танки гоняют.

– У нас кого только нет, – махнул рукой тот. – Один круче другого. Все лесом занимаются.

Джем знал, что в такой глуши процветают черные лесорубы, которые потом гонят лес в Финляндию – у него как-то даже был план вписаться в подобную схему. Серьезные люди предложили ему возможность собрать бригаду и поставить два или три лесовоза на участок леса, но тогда пришлось отказаться – он был занят другой темой.

– Ладно, братка, надо ехать. Спасибо, что остановился. Удачи тебе на дорогах, – Джем попрощался с водителем, вернулся в свою машину и продолжил путь.

Он еще никогда не забирался так далеко на север и уж тем более в такую глушь. Хорошо еще, что тут преобладали песчаники, поэтому дорога быстро просохла после дождей, а то не помогли бы и толстые внедорожные колеса, которыми он так гордился.

Места, конечно, здесь красивейшие. Джем ехал и восхищался пейзажем. Лесные озера, остроконечные ели, тишина, покой, людей нет вообще. Джем и не помнил уже, когда последний раз выбирался за город. Максимум, на что хватало его энтузиазма, – собраться толпой на шашлыки у кого-нибудь на даче. Но там какая природа? Секс, наркотики и рок-н-ролл. И почему-то казалось, что это правильно, в этом смысл. А сейчас, глядя на нерукотворное великолепие, он невольно загорелся идеей приехать сюда с палаткой, на несколько дней, безо всяких компаний, только с какой-нибудь девочкой. Ну или с двумя...

Замечтавшись, он еле успел нажать на тормоз, двумя ногами вдавив его в пол. «Эдик» остановился как вкопанный. Сразу за изгибом дороги, перекрывая проезд, стоял черный «черокез», и рядом с ним два лысых амбала в кожаных куртках. Объехать их не получалось – слева был спуск к небольшому озеру, а справа сплошная стена леса. Джем почувствовал, как волна адреналина буквально подкинула его, а по спине пробежали противные мурашки. Парни выжидающе смотрели в его сторону.

Сама обстановка не располагала к душевным беседам. Глухой лес, черный джип, колоритные персонажи. Он ни на секунду не усомнился, что ждут его. Джем совершенно не интересовало, что они могут рассказать. Ему уже приходилось как-то слушать подобные сказки, сюжет в них всегда был один и тот же, ему такие не нравились.

Первой мыслью было включить заднюю и свалить подобра-поздорову. Он прикинул: если рвануть до ближайшей опушки и там сделать полицейский разворот, то шансы оторваться хорошие. Но тогда он не смог бы выполнить поручение Макса, а это чревато не меньшими проблемами.

Краем глаза он увидел движение в зеркале и понял, что свалить не удастся – сзади быстро приближалась еще одна машина. Спокойствие амбалов объяснялось просто – они были уверены, что ему некуда деваться. Сердце Джема забилося так сильно, что участилось дыхание и даже зачесались корни волос. Ладони мгновенно вспотели. Он инстинктивно чувствовал, что через десять секунд уже поздно будет что-то делать.

Оставалось только одно – задушить свой страх. Джем стиснул зубы, выхватил из-под сиденья «тэтэшку», с которой не расставался уже третий год, и выскочил из машины. Крепыши даже не успели толком напрячься, как он выстрелил в ногу одному и, практически не целясь, послал пулю во второго. Дикий крик боли разорвал тишину леса, но Джем было некогда смотреть на результаты своей стрельбы.

Другая машина, черная «девятка», уже почти подъехала. Джем прыгнул обратно за руль, включил заднюю и погнал прямо в лоб «девятке», на таран. Та испугано вильнула и влетела мордой в кусты. Из правой двери выскочил человек с бейсбольной битой, но Джем уже включил пониженную передачу и двинулся вперед.

«Эдик» впритирку протиснулся мимо «чероки», опасно накренившись в сторону озера. Джем испугался, что колеса соскользнут, и машина опрокинется, но все же вырулил и тут же дал газу. Кто-то успел ударить по заднему борту, в зеркале он увидел чью-то фигуру, но она тут же осталась позади. «Девятка» вырвалась из кустов, дернулась вперед, но не смогла объехать «черокеза» и остановилась.

Адреналин подстегивал Джема. «Эдик» прыгал по кочкам, но держал дорогу. Джем то и дело поглядывал в зеркало, но погони не было, хотя это совершенно не успокаивало. Он выкручивал мотор, петлял по лесной дороге, что-то выкрикивая от возбуждения. И только когда прошло минут пятнадцать, он понял, что действительно оторвался, и все пока закончилось.

Трясущимися руками он вытащил из мятой пачки «Лаки страйк» сигарету и закурил. По прикидкам, он уже был где-то неподалеку от цели. И действительно, через пару километров лес расступился, и перед ним оказалось довольно большое озеро, на берегу которого стояло несколько домов – старые бревенчатые избы, покосившиеся, почерневшие от времени. И только один явно выделялся на их фоне – и побольше, и посвежее. Джем сразу понял, что это именно тот, что ему нужен.

Иногда ему хотелось поселиться в подобном месте. Идиллия: ровная гладь озера, как застывшее зеркало с отражением закатного неба; деревянные рыбацкие лодки, которые уже много лет не спускались на воду; лес, амфитеатром расположившийся за тонкой полоской прибрежного песка. Мир, в котором нет ни тревог, ни забот, а только тишина и умиротворение. Но сейчас в воздухе явно чувствовалась опасность, и Джем никак не мог успокоиться.

Он чуть не въехал в низкий штакетник и, выскочив из машины с пистолетом в руке, осмотрелся. Все было тихо. Дверь в дом открылась, и на порог вышел высокий седой старик, хотя Джем, как ни странно для такой нервной ситуации, пришло на ум определение – седовласый старец. Уж слишком представительно тот выглядел. Старец спокойно и внимательно смотрел на Джема и ничего не говорил.

Джем немного смутился, посмотрел на пистолет в руке, машинально заткнул его сзади за пояс и глуповато сказал:

– Добрый вечер.

Хозяин дома едва заметно улыбнулся.

– Здравствуйте, молодой человек. Как я понимаю, без приключений не обошлось?

Джема передернуло.

– Не то слово. Если нам надо ехать, то я бы ускорился. И выбрал бы другую дорогу.

– Я готов. Вот тут сумки и чемодан, загрузите их, пожалуйста.

На все сборы действительно ушло минут пять-семь, и, снова оказавшись за рулем, Джем немного взял себя в руки. Пассажир пристегнулся и, поудобнее устроившись на сиденье, предложил:

– Если вы сюда ехали через Паданы, то нам лучше всего взять курс на северо-восток и двигаться в сторону Сегежи. Доберемся до федеральной трассы и тогда уже поедem южнее.

Джем согласно кивнул.

– Не возражаю. Мне в том лесу дорога очень не понравилась. Надеюсь, тут будет получше. А вообще, куда мы едем?

Старец коротко сказал:

– В Феодосию.

Джем закашлялся. Ему даже сначала показалось, что он ослышался, но пассажир кивнул. И Джем смирился. В конце концов, в Крыму он давно не бывал, интересно было бы посмотреть.

Он спросил:

– Как мне можно к вам обращаться?

– Интересная постановка вопроса, – старец улыбнулся. – Можно было просто спросить, как меня зовут. Мое имя Иван Иванович. А фамилия Петров.

– А я Джем. Можно на ты.

Иван Иванович повернулся к нему и пристально взгляделся.

– Вот и хорошо, Джем. Ты-то мне и нужен был. Все будет хорошо. Самое главное, повнимательнее на дорогу смотри. Если хочешь, кури. Мне дым не мешает. Захочешь спать, скажи. Ехать долго, силы надо беречь.

Джем расслаблено расплылся по сиденью, воткнул в магнитолау кассету и отрегулировал громкость. Черный внедорожник наконец выбрался на асфальт и, прибавив скорости, растворился в северных дорогах.

8. Светлицкий

В дверь легонько постучали, и Андрей Сергеевич сразу же открыл глаза. Часы на стене показывали начало десятого – он, сидя в кресле, отключился на двадцать минут. В офисе для него были оборудованы удобные апартаменты со всем необходимым, но он редко ими пользовался. Он даже и не помнил, когда в последний раз спал как обычный человек, восемь-девять полноценных часов.

Когда-то, после серьезной автомобильной аварии, чуть не лишившей его головы, он начал опыты с полифазным сном. По примеру да Винчи, который спал по пятнадцать минут каждые четыре часа, Светлицкий поставил цель высвободить как можно больше времени для работы и чтения. Ему удалось сломать обычный шаблон, он привык спать несколько раз в течение суток минут по двадцать и пару часов ночью. И большую часть дня он проводил за книгами – читал, осмысливал, сопоставлял.

Но с годами он понял, что все равно не сможет объять необъятное. Бессмысленно закачивать в мозг информацию, надо уметь ориентироваться в ее потоках и выбирать только необходимую в данный момент. Именно такое понимание позволило ему сформировать критическое отношение к тому, что принято выдавать за реальность. Его ум с легкостью вспарывал обманчивое покрывало, сотканное из ложно понимаемых фактов, и проникал в суть событий.

Книги уже не манили к себе, в них не было ничего такого, чего он не знал. У разных авторов меняется лишь форма, оболочка, в которую завернуты самые простые мысли. Каждый оперирует теми категориями, которые выбрал сам в надежде быть услышанным и понятым. Но, если проникать в суть, квинтэссенцию можно выжать в нескольких фразах. Нового нет ничего. Фальшивые краски, выдохшиеся эмоции, угасшие чувства. Мир, сотканный из лжи.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул Костя. Выглядел он далеко не таким самоуверенным, как утром.

– Разрешите, Андрей Сергеевич?

– Давай, заходи. Что случилось?

Костя собрался с духом и выпалил:

– Андрей Сергеевич, они не смогли его задержать.

Светлицкий почувствовал, как внутри поднимается нечто темное и мрачное, способное выплеснуться наружу.

– В смысле? Почему?

Помощник, видимо, уловил флюиды ярости и даже немного отступил.

– Он без предупреждения начал стрелять, ранил двоих. Смог оторваться. Вторая группа добралась до Шалговаары, нашла дом, но там уже никого не было. Поиск по дорогам ничего не дал. К нашим друзьям в милиции мы пока не обращались, ждем вашего решения.

Светлицкий задумался. Ничего нельзя поручить. Простейшая операция – остановить посланника, заменить его своим человеком, привезти интересующую персону на свою территорию. И надо же, все пошло не по плану. Теперь надо срочно исправлять ситуацию. Но сделать это будет гораздо сложнее.

Он не хотел давать волю эмоциям. За многие годы он уже привык, что люди никогда не справляются со своими задачами. Иногда они могут лишь приблизиться к приемлемому результату, но он все равно будет далек от совершенства. Потому что они не хотят и не могут быть мастерами, они всего лишь подмастерья – ограниченные, скудоумные, не желающие думать. Исавы, променявшие свое предназначение на сытную похлебку.

– Из этой Шалговаары какие есть дороги?

Костя оживился, поняв, что Андрей Сергеевич справился с приступом гнева и начал искать варианты решения проблемы.

– Они могли поехать на Сегежу, но если у них курс на юг, то в любом случае они поедут через Медвежьегорск. А вот оттуда два пути – по левому берегу Онежского озера или по правому.

Светлицкий задумчиво барабанил пальцами по столу.

– А что за человек его повез, пробил его?

– Это знакомый Макса, он его утром вызвонил. Петрозаводский. Зовут Джем. Наши его вели с самого начала, из города.

– Он связан с кем-то из тамошних авторитетов?

– Насколько удалось узнать, нет, – покачал Костя головой. – У него какие-то свои темы.

Но знаком со многими, и серьезные люди его знают.

– Вот это тебе минус, Костя. Тебе тоже надо было посылать туда серьезных людей, а не лохов каких-то. Теперь будем искать иголку в стоге сена.

Костя попытался оправдаться:

– Так кто же знал, что этот отмороженный сразу стрелять начнет?

– Костя, ну вот тебя учить надо, что ли? – Светлицкий пренебрежительно махнул рукой. – Простейшая схема. Девушка, машина с поднятым капотом. Какой мужик мимо проедет? И бери его тепленьким спокойно. Или это слишком сложно для понимания?

Костя виновато пожал плечами.

– Да второпях все, никто и не подумал. Моя вина.

Светлицкий немного помолчал и подвел итог:

– Ладно, будем отталкиваться от того, что есть. Передай нашим ментам в Ленобласти номера машины, но никакой официальной информации не давай. Если их где-то вычислят, сначала мне пусть сообщат, я решение приму.

– Может, сказать им, чтобы вологодским ментам тоже ориентировку скинули на случай, если они там поедут? – спросил Костя.

– Лишним не будет, – согласился Светлицкий. – Только смотри, чтобы вреда им не причинили. Мне этот Джем безразличен, но за его пассажира спрошу в случае чего.

– Я понял, Андрей Сергеевич. Вы домой поедете? Мне вас отвезти?

Светлицкий посмотрел на часы.

– Нет, Костя, ни к чему мотаться. Я здесь в апартах останусь.

Он понимал, что раньше утра от Кренделя не будет известий, но ему хотелось ускорить время. Хуже, чем ждать и догонять, может быть только необходимость делать эти два дела одновременно. Он знал, что ему все равно придется ехать в Феодосию, но не раньше, чем у Кренделя что-то прояснится.

9. Степанов

Местный участковый вызвался проводить Степанова. Пока они шли до дома библиотекаря, пожилой капитан Виктор Иванович рассказывал Степанову:

– Я тебе так скажу, капитан, Николая Павловича я много лет знал. Я книжки очень люблю читать, а он всегда мне подбирал что-нибудь интересное. Даже про нашу Епифань нашел. Платонов, писатель такой, у него есть повесть «Епифанские шлюзы».

– Да, знаю, читал, – закивал Степанов. – Петр Первый много чего планировал в отношении Епифани, но не вышло.

– Мы с Берсеневым часто разговаривали. Он историю хорошо знал. Вот, например, возьми наше Куликово поле, тут недалеко, километров двадцать. Не бывал там?

Степанов усмехнулся.

– Ну как же не бывал? Нас еще в школе на экскурсию возили. Колонну смотрели, церковь, которую архитектор Щусев построил.

– Он потом и мавзолей Ильича строил... А ты в курсе, что на самом деле Куликовская битва вообще не здесь была?

– Да ладно тебе, Виктор Иванович. – Степанов даже развеселился, у него сегодня получался день исторических экскурсов. – Где же ей быть, как не на Куликовом поле?

Виктор Иванович строго посмотрел на него.

– Напрасно смеешься. Все это придумал один помещик, Нечаев его фамилия. Километрах в пятидесяти отсюда его усадьба посейчас еще стоит. Он с Карамзиным дружил, начитался его «Историю государства Российского» и решил, что битва Куликовская произошла как раз на тех землях, которые ему принадлежали. И начал всех в этом уверять. Рассказывали, что он своим крестьянам клич такой кликнул, – несите мне все старинные предметы, какие найдете, оружие там или наконечники от стрел, или еще чего.

Степанов засмеялся.

– И понесли?

– А то, – подмигнул Виктор Иванович. – Чего не нести-то, если барин денежки платит хорошие. Нечаев собирал все, а потом у себя в имении открыл музей. Так и назвал его – музей Куликовской битвы. А поскольку он уже к тому времени стал обер-прокурором Синода, то дальше все само собой завертелось. Попробовал бы кто под сомнение его слова поставить.

– А на самом деле где битва была? – Степанов даже искренне заинтересовался.

Виктор Иванович развел руками.

– Да вот откуда теперь и узнаешь. Николай Павлович занимался этим вопросом, изучал все, но видишь, как получилось...

Они подошли к дому библиотекаря. Степанов сорвал бумажку с печатью и открыл замок. Тяжелая дверь со скрипом распахнулась, и они вошли в дом. После свежего весеннего воздуха Степанов сразу почувствовал затхлый запах. Он не любил старые дома, они казались ему осколками какого-то другого мира, который воспринимался как ветхий, отживший, уходящий.

Ему нравились сахарно-белые коробки современных девятиэтажек, ровные параллелепипеды, асфальт, бетон и стекло. Для него новые микрорайоны были олицетворением прогресса, символом развития, движения вперед. А вот эти особнячки скрывали в себе тайное сопротивление новому, всегда были обращены в прошлое.

Количество книг произвело на Степанова впечатление.

– Да-а, – протянул он. – Я думаю, Виктор Иванович, мне было бы интересно с вашим библиотекарем поговорить.

Участковый согласился.

– Это вне всякого сомнения. Таких людей нечасто встретишь. Я удивлялся даже, чего он в Москву не уехал, там ему нашлось бы дело поважнее его библиотеки.

Степанов изучал корешки книг. Большинство авторов были ему совершенно неизвестны, он только по названиям мог предположить, что основная подборка здесь на философско-нравственные темы. В общем-то, судя по набору книг, покойный библиотекарь не интересовался современным политическим моментом, хотя и Ленин, и Маркс присутствовали на полках.

– А ты сам не спрашивал у него, чего он к Епифани прикипел? Или он местный?

– Не, не местный. Он у нас в начале восьмидесятых появился. Я точно не помню, вроде сразу после олимпиады. Говорил, что на севере работал, но здоровье не позволяло там оставаться.

Степанов выдернул томик Маркса и наугад раскрыл. Бросилась в глаза подчеркнутая карандашом фраза: «Христианство возникло из еврейства. Оно снова превратилось в еврейство...» И еще, в другом абзаце: «Христианство есть перенесенная в заоблачные выси мысль еврейства, еврейство есть низменное утилитарное применение христианства...» Степанову сейчас не хотелось вдумываться в смысл написанного, ему более важно было, что читавший, скорее всего сам хозяин, акцентировал свое внимание на подобных вопросах.

– Виктор Иванович, а с кем дружил Берсенева?

Участковый пожал плечами.

– Да ни с кем он не дружил. Поговорить мог с любым, мы вот, например, часто общались. Но это все отвлеченные темы, он никогда про себя ничего не рассказывал.

– Не знаешь, воевал он? – Степанов сел за письменный стол и выдвинул верхний ящик. Понятно, после обыска вряд ли сохранилась последовательность бумаг, лежащих в нем, но попытаться можно. Он достал стопку листов, исписанных мелким почерком, и пробежал один по диагонали.

– Нет, капитан, никогда разговоры на тему войны даже не поднимались. Обычно он уезжал куда-то на майские. Я так и думал, что он встречается с однополчанами.

Степанов постучал пальцем по стопке листов.

– Ты смотри, о чем он писал. Рукопись Войнич. Слышал о такой когда-нибудь?

– Нет, первый раз слышу. – Участковый подошел поближе и тоже заглянул в написанное. – Что за рукопись такая?

– Недавно только про нее читал в «Совершенно секретно». Это одна из загадок последних столетий. Автор неизвестен, это понятно. Но никто не знает, на каком языке она написана и что в ней сказано.

Степанов вчитался. Скромный библиотекарь Николай Павлович Берсенева легко и непринужденно погружался в толщу веков, рассматривал возможность написания рукописи французским монахом Роджером Бэконом и рассуждал о ее содержании. Он был уверен, что это один из алхимических текстов, раскрывающих сущность энергии кадуцея – жезла Гермеса Трисмегиста. Берсенева шел дальше и связывал неизвестный язык с шифром на иврите.

Библиотекарь уверенно приводил аргументы, что рукопись Войнич – это практическое пособие по управлению энергией на основе древнего учения каббалы. Точнее, ее лурианского течения. Рабби Ицхак бен Шломо Ашкенази Лурия. Степанов выхватил знакомые слова – Адам Кадмон, Зоар или Сефер ха-зохар, Книга сияния и понял, что если сейчас начнет в это погружаться, то ему и недели не хватит. Но, по крайней мере, ему стал более-менее понятен образ мыслей убитого.

Он полистал другие рукописи в письменном столе и только укрепился в своем мнении. В них мелькали имена и названия, смутно знакомые Степанову – рабби Шломо Ицхаки, Раши, Танах, сефарды, ашкеназы, Трисмегист, философский камень... Насколько он мог понять, интересы Николая Павловича Берсенева лежали в области толкования различных течений иудаизма, эзотерических учений и практических изысканий в области алхимии.

– Виктор Иванович, а ты как думаешь, может, он в секте какой-то состоял? Ничего такого не замечал за ним?

Участковый засмеялся.

– Нет, капитан, вот уж точно не мог Берсенева сектантом быть. Я, конечно, напрямую не спрашивал, но, мне кажется, он вообще атеистом был.

Они открыли потайную комнату. Участковый с любопытством наблюдал, как Степанов перебирает на полках книги с руническими знаками и фашистской символикой.

– Эх, я даже не догадывался, что тут у него комната есть, – сказал Виктор Иванович с неподдельным огорчением. – Глядишь, мог бы наконец майором стать, если бы разоблачил оборотня.

Степанов поинтересовался.

– А почему сразу оборотня-то? Может, человек исследования проводил?

– Капитан, «Совершенно секретно» и я иногда читаю. И про Аненербе в курсе, как фашисты искали возможность тайные энергии себе на службу поставить. Вот откуда у человека такие книжечки могут быть? В нашей библиотеке их точно нет, и в магазине не купишь.

Степанов задумчиво сказал:

– Ты знаешь, у меня потихоньку начинает складываться впечатление об этом человеке. Безусловно, второе дно у него есть. Но вряд ли это связано с фашистами. В данном случае книги – это всего лишь книги. Но, естественно, все будем проверять.

– Ну что, будем закругляться на сегодня?

– Да, пожалуй. Уже вечерет. Завтра приду, покопаюсь в рукописях. Интересно, конечно – целый дом бумаг и книг. Кстати, гостиница у вас хорошая хоть?

– А то, – приосанился участковый. – К нам же туристы едут со всех сторон, из Москвы особенно.

Степанов еще раз осмотрел комнату, запоминая все и составляя себе план на завтра. Потом вышел вслед за капитаном, закрыл дверь и наклеил на замок бумагу с синей печатью.

10. Джем

Джема постепенно накрывал сон. Пустая ночная трасса, редкие встречные машины, негромкая музыка – ему уже хотелось съехать куда-нибудь в лес и провалиться в забытие на несколько часов. В багажнике лежала бензиновая горелка, можно было остановиться, сварить кофе, немного взбодриться, но он уже дошел до такого состояния, когда все лень и хочется только спать.

Иван Иванович спросил:

– Спать хочешь?

Джем вяло кивнул.

– Угу. Я уже задеревенел, как Буратино.

Иван Иванович улыбнулся.

– Сравнение не очень точное. Как раз Буратино был самым настоящим человеком...

Джем искоса взглянул на собеседника.

– Вы это про сказку? Или про питерского авторитета?

Иван Иванович по-доброму рассмеялся.

– Нет, с авторитетом Буратино я не знаком. Я про другого персонажа.

Джем выключил музыку.

– Интересно. Я думал, Буратино – это сказочный герой, деревянный мальчик...

– Да, все так. Но только отчасти. Ты, наверное, знаешь, что в нашей стране более популярна версия, которую рассказал для детей «красный граф» Алексей Толстой. А на самом деле, это итальянская сказка.

Джем согласился.

– Да, слышал. Только там персонажа звали Пиноккио.

Иван Иванович поудобнее расположился на сиденье.

– Да, Пиноккио. Эту детскую сказку написал Карло Коллоди. И настоящая его фамилия – Лоренцини. Что примечательно, детей он терпеть не мог. Кстати, по-итальянски burattino означает марионетка. И настоящий Буратино, точнее, прототип сказочного героя, был евреем из Флоренции.

Джем рассмеялся.

– Вот я даже не удивлен почему-то. Евреи кругом. Я даже сам иногда себя евреем ощущаю. А что там за история?

– Довольно занятная. В конце восемнадцатого века в Тоскане жил некий Пиноккио Санчес. Лилипут. Очень маленького роста, примерно метр двадцать. Едва ему исполнилось восемнадцать, он пошел на войну и служил полковым барабанщиком. Пятнадцать лет, можешь себе представить. Вернулся домой инвалидом, без обеих ног, взрывом оторвало. И еще часть носа. Сам понимаешь, участь его ждала незавидная. Но тут ему повезло. Он познакомился с доктором Карло Бестульджи, который ему сделал деревянные протезы. И даже деревянный нос. Вот тебе и папа Карло. Представь себе – лилипут с деревянными ногами и носом. Ему самая дорога в балаган. И, действительно, Пиноккио стал знаменитым – публика его обожала. Он ездил по всей Тоскане, выступал на ярмарках и дожил до сорока четырех лет. Погиб во время какого-то невероятного трюка, сорвался с высоты.

Джем покачал головой.

– Надо же. Действительно интересно. Я что-то не слышал про это. А как узналось-то?

– Краеведы местные постарались. Во Флоренции. Что самое интересное, нашли даже могилу Пиноккио. Недалеко от того места, где Коллоди похоронен. Судьба. Они даже после смерти рядом оказались. Могилу вскрыли. Там на самом деле оказались деревянные ноги и нос. Так что сказка – ложь, да в ней намек...

– Секундочку... А с чего решили, что он еврей?

– А ты слышал когда-нибудь, чтобы у итальянца была фамилия Санчес? Это сефардская фамилия. Сефарды – это евреи, которых изгнали из Испании и Португалии в конце пятнадцатого века. Они потом рассеялись по всей Европе. Больше всего, конечно, во Франции осело. Кстати, мама Д'Артаньяна тоже из сефардов была, так что и сам мушкетер тоже еврей.

Джем захохотал.

– Да ладно, не может быть... Д'Артаньяна Дюма придумал.

Иван Иванович улыбнулся.

– Джем, можешь мне поверить, настоящий Д'Артаньян вполне себе реальный человек. Во Франции до сих пор его дом есть, я даже бывал там. Есть такой городок – Лупьяк, а в его окрестностях находится замок Кастельмор. Это как раз и есть поместье, где родился мушкетер. А настоящее его имя было Шарль Ожье де Батц де Кастельмор, граф д'Артаньян.

Джем уважительно посмотрел на собеседника.

– Поражаюсь вашим познаниям, Иван Иванович.

– Да ладно тебе, это не познания. Так, байки, чтобы ты не уснул за рулем. Если я буду действительно тебе что-то серьезное рассказывать, то мы не доедем никуда... Хотя до Феодосии я тебе всю мировую историю успею рассказать.

Джем засмеялся.

– Не удивлюсь, если в ней сплошные евреи окажутся...

Иван Иванович вполне серьезно ответил.

– А вот посмотрим, как ты не удивишься. Вот, кстати, смотри, знак – через два километра будет заправка. Давай там передохнем немного. Да и поесть не помешает.

– Заодно и заправимся.

Через несколько минут они уже сворачивали на невзрачную АЗС, тускло освещенную мертвенным светом ртутных ламп.

11. Янка

Янка проснулась от ледящего холода. Замерзла так, что стучали зубы. Судорожно вытащив из-под себя куртку, она завернулась в нее и попыталась растереть руки и ноги, чтобы разогнать кровь. Солнце уже клонилось к горизонту, длинный северный день плавно перетекал в белую ночь, и Янка даже сначала не поняла, сколько она спала. Рип ван Винкль, продолжение. Только вместо Каатскильских гор – море леса. И вместо команды моряков Хендрика Гудзона – безлюдная тишина.

И вдруг Янка вздрогнула от неожиданности. Она осознала, что не одна на вершине горы. Метрах в десяти от нее, на самом краю небольшого плато, стоял высокий седой старик и смотрел на закат. Он был одет несколько необычно – черный длинный пиджак с воротником-стойкой под горло, черные узкие брюки и остроносые сапоги, как у ковбоев. То ли Уайат Эрп, то ли Брюс Ли – Янка не могла вспомнить, в каком фильме видела подобный образ, но особо и не старалась.

Ей стало немного страшно. Конечно, она понимала, что гора исполнения желаний привлекает к себе самых разных людей, но не ожидала, что кого-то действительно встретит. Она потихоньку начала собирать свой рюкзачок и уже намеревалась незаметно уйти, как старик повернулся к ней. Странно, но, увидев его глаза, Янка успокоилась и даже поздоровалась:

– Добрый вечер...

Старик не произнес ни слова. Он всего лишь медленно прикрыл веки и чуть приподнял уголки рта в полумамеке на улыбку. Мимолетное выражение лица, пробежавшая тень, проблеск доброй иронии в голубых глазах – и почему-то Янка почувствовала расположение к этому человеку. Так бывает иногда. Редко, но бывает. Когда в глазах совершенно незнакомого человека вдруг видишь отсвет какого-то другого мира, и сердце наполняется легкой печалью от осознания собственного несовершенства.

Янка застенчиво улыбнулась.

– Вот, придремала... Устала, пока сюда добиралась.

Старик улыбнулся в ответ и мягко произнес:

– Мечтаешь о кубке забвения?

Она чуть взмахнула рукой.

– Да ладно, я же не Рип... – и вдруг осеклась, осознав, что старик каким-то образом прочитал ее мысли. Она не испугалась, ей стало очень любопытно, язык прямо зачесался от множества вопросов, но она постеснялась спросить впрямую.

Старик присел на большой валун неподалеку и спокойно посмотрел на нее.

– Ты и так долго спала, тебе надо просыпаться.

Янка усмехнулась.

– Да вроде уже проснулась...

Он чуть заметно покачал головой.

– Нет. Ты только-только начинаешь приходить в сознание. Тебе еще предстоит долгий путь пробуждения.

Она иронически усмехнулась.

– Слишком пафосно звучит... Хотя место действительно располагает к таким выражениям...

Он не обиделся.

– Для этого и существуют такие места. Чтобы в них звучали такие слова. Достучаться до пустоты. И вспомнить о предназначении. Чтобы подняться на высоту Карадага, сначала надо побывать на других горах.

Янка почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Как старик мог знать, о чем она думала, когда шла сюда?

Он пожал плечами.

– Ответ слишком прост, чтобы его понять и принять. Поэтому ты все равно будешь ломать себе голову.

Гора исполнения желаний... Чего она ждала на самом деле, когда шла сюда? Какое настоящее желание осталось невысказанным? Она серьезно посмотрела в голубые глаза старика и спросила:

– Зачем я здесь?

Он тоже серьезно сказал:

– Ты все знаешь сама. Все ответы – в тебе. Если ты их не находишь, то, значит, задаешь неправильные вопросы. Начни все сначала. И все сложится так, как должно быть.

Она тихонько спросила, зная, что не услышит конкретного ответа:

– Кто вы?

Старик покачал головой.

– Твой вопрос неправильный. Сначала ответ себе – кто ты?

Янка прикрыла глаза.

– Стершийся иероглиф...

Старик не удивился.

– Тогда тебе надо вспомнить, что в этом слове иеро означает «священный». Священная надпись нуждается в реставрации... Тебе пора просыпаться...

И вдруг Янка действительно вынырнула из сна. Ее трясло от холода, зубы стучали. Она непонимающим взглядом уставилась на валун, где только что сидел седой старик, но там его уже не было. Она даже не стала пытаться понять, что произошло. Натянула на себя куртку, завернулась в одеяло, но все равно не могла согреться, ее колотило. Тогда она вскочила, начала быстро приседать, размахивать руками и делать резкие повороты. Понемногу холод отступил, и Янка решила, что нужно возвращаться домой.

Иеро... Когда-то ей попадалась книга с таким названием. «Путешествие Иеро. Романс будущего». Янка даже вспомнила несколько строк. «Пер Иеро Дистин, Священник-Заклинатель второй степени, Страж Границы и Киллмен, отбросил свои бесплодные размышления и выпрямился, оперевшись спиной о высокую луку седла». Интересно, а какие размышления должны давать плоды?.. И что это за плоды?.. Действительно, надо просыпаться, выбираться из нагромождения мыслей, образов и снов. Возвращаться к обычной жизни.

Солнце зависло над самым краем горизонта, но Янка знала, что это время белых ночей, и у нее есть еще пара часов, пока оно совсем не скроется. Но как-то так получилось, что спускаться с горы она начала в сторону противоположную той, откуда пришла. И заметила это уже достаточно поздно, пройдя километра два. Она немного заволновалась сначала, но потом рассудила, что если тропинка с этой стороны найдена, то она куда-нибудь да выведет.

В лесу у подножия горы сразу стало темнее. В голубоватом сумраке обычные деревья приобретали мистический облик, и Янка чувствовала себя немного неуверенно. Конечно, она не придавала большого значения историям о леших и прочей нечисти, но все же испытывала некоторый дискомфорт, а когда большая птица, туго хлопая крыльями, пронеслась у нее над головой, Янка вздрогнула от страха и невольно перекрестилась.

Идти ночью через незнакомый лес уже не казалось ей хорошей идеей, но и возвращаться было некуда. Янка не считала себя религиозным человеком, но в какие-то моменты из глубины души вдруг вырывалось странное ощущение, что рядом кто-то есть. Ощущение присутствия. Да и сон не шел из головы.

Янка постаралась отогнать от себя все эти мысли, но ночной лес просто накрывал ее. Ей стали видаться причудливые силуэты, которые оказывались обычными кустами или дере-

вьями. Она невольно ускорила шаг, хотелось поскорее выбраться из этих мест, но никаких признаков цивилизации не было. Янка уже серьезно паниковала – нервы и без этого были натянуты, а непонимание своего местонахождения все усугубляло. Она каждую секунду была готова сорваться на бег, но усилием воли сдерживалась – бежать по ночному лесу опасно.

И тогда она по-настоящему взмолилась. Не стала читать заученные слова Отче наш, а буквально из сердца выдохнула – помоги мне, Господь мой Иисус. В этот момент она точно знала – это имя Бога. То самое имя, которое Он захотел открыть, чтобы не оставаться абстрактным и непостижимым. Имя, которое соединило человека с Богом, открыло новую реальность. Вне зависимости от транскрипции. У евреев оно звучало как Йехошуа – Бог спасения, а полмира говорит – Джизас. И Он слышит каждого.

Внезапно темный лес расступился, и Янка выскочила на широкую, раскатанную площадку рядом с асфальтовой дорогой. Видно, именно здесь парковались желающие подняться на гору, приезжая на автомобилях. Страх мгновенно отступил, стало настолько легко и спокойно, что Янка даже засмеялась от радости – Бог рядом. Она осмотрелась по сторонам, решая, в какую сторону лучше идти, и где-то вдали справа заметила свет фонарей. Минут через двадцать она уже походила к автозаправке, на которой стоял большой черный внедорожник.

12. Степанов

Степанов без особого энтузиазма смотрел на здание городской гостиницы, где планировал переночевать. Двухэтажное, приземистое, с подслеповатыми окошками – ему никак не меньше ста лет. Скорее всего, до революции это был особняк какого-нибудь местного купчишки, и последние полвека ремонта тут даже не планировалось. Степанов навидался подобных учреждений и мог поспорить, что внутри будет стоять затхлый запах старых домов.

Прежде чем устраиваться на ночлег, Степанов подошел к торговой палатке на площади. За пыльной стеклянной витриной, забранной толстой решеткой, стояли батареи разнокалиберных бутылок с яркими этикетками. Естественно, у него и в мыслях не было покупать что-то из импортного алкогольного суррогата, но и коротать на сухую скучный вечер в уездной гостинице не хотелось. После недолгих переговоров с немолодой продавщицей, он расплатился и спрятал в портфель четыре золотистых банки пива Holsten, круг ливерной колбасы и батон.

Гостиница оказалась почти пустой. Запах внутри в точности соответствовал ожиданиям Степанова. Администратор, женщина средних лет самой заурядной внешности, равнодушно дала ему заполнить карточку и предложила номер с двумя кроватями. Одноместных люксов в таких заведениях все равно не предусмотрено, поэтому Степанову было безразлично. Его даже не особо волновало наличие душа – он догадывался, что санузел тут общий, один на этаж. Единственно, нужен был телефон, чтобы доложить начальнику отдела обстановку.

Он показал администратору удостоверение и попросил:

– Можете меня минут на десять оставить наедине с телефоном? У меня конфиденциальный разговор.

В ее глазах вспыхнул неподдельный интерес, и Степанову это было даже немного лестно – он ощутил себя почти Джеймсом Бондом на задании.

– Вы можете позвонить из кабинета директора. Там вам никто не помешает.

Она сняла пару ключей со стенда с кривовато написанными цифрами. Один, от номера, отдала ему, а со вторым прошла из-за своей стойки и открыла дверь в углу холла. Кабинет оказался небольшой комнатой, в которой с трудом умещался письменный стол, крашенный железный сейф, тумбочка с советским телевизором и пара затертых кожаных кресел с журнальным столиком между ними.

Степанов удобно устроился на директорском стуле и набрал номер начальника. Он подробно рассказал о своих впечатлениях и наблюдениях, добавив, что пока не может выдвинуть ни одной вероятной версии в отношении убийства. У милиции тоже ничего подходящего пока не было – он общался с операми в отделе. У всех было предчувствие, что дело повиснет. Что касается литературы и рукописей, то вряд ли в них что-то найдется криминальное, учитывая характер того, с чем уже успел ознакомиться Степанов.

Майор спросил:

– Твои предложения?

Степанов немного подумал.

– Я завтра продолжу рыться. Шансы что-то найти невелики. Это не экстремист, не террорист. Но это и подозрительно. Человек тратит время на странные трактаты, рассуждает о вещах, никак не связанных ни с текущим моментом, ни с финансовой выгодой. На простое хобби это не похоже. Надо попробовать установить его контакты, особенно в Москве. Не удивлюсь, если мы там обнаружим таких же любителей покопаться в прошлом.

– Вероятно. Но меня больше интересует, могло ли это литературное творчество стать мотивом убийства?

Степанов хмыкнул.

– Ну, мало ли какие придурки встречаются. Может, дед рецепт вечной молодости нарыл, который кому-то понадобился... Но уж больно орудие убийства необычное – у придурков таких не бывает. Мое предварительное мнение – Берсенев такой не один, это как минимум устойчивый круг общения с неизвестным количеством участников. В рамках которого происходит обмен информацией с неизвестной пока целью. И убийство – акт демонстративный, рассчитанный на резонанс среди круга общения. Это мои общие впечатления пока, никакой конкретики.

Майор помолчал, о чем-то размышляя.

– Ладно, я тебя понял. Завтра прямо с утра продолжаешь, в восемнадцать ноль-ноль докладываешь. По результатам примем решение, что будем делать дальше. Все, отдыхай.

Степанов поднялся на второй этаж и нашел свой номер. Всё как обычно. На полу дешевый линолеум, на стене овальное зеркало, узкий шкаф, две старые металлические кровати, низенькие тумбочки, чистое белье. Графин с водой и два стакана на круглом алюминиевом подносе. Куцые занавески на маленьком окне. Лампочка в патроне, висящая на проводе, вместо люстры. Но обстановка абсолютно не трогала Степанова. У него было одно желание – побыстрее принять горизонтальное положение.

Горячая вода в кране отсутствовала, но Степанов был рад и холодной, с удовольствием смыл всю пыль и грязь сегодняшнего дня. Потом неумело открыл одну банку пива и жадно отпил почти половину. Перочинным ножом нарезал ливерную колбасу и батон, сделал несколько бутербродов. И только собрался съесть один, в дверь деликатно постучали.

– Входите, не заперто, – крикнул он. Степанову уже было лень вставать.

В комнату заглянула администратор гостиницы.

– Извините, я буквально на секундочку. Хотела узнать, как вы устроились, все ли в порядке? Может нужно что-то?

Степанов улыбнулся.

– Входите, входите. Я как раз ужинать собрался. Хотите бутерброд?

Она даже руками замахала.

– Что вы, что вы, я уже поужинала, – но в комнату вошла.

Степанов вскочил, галантно подвинул стул и усадил ее за стол. Она немного смутилась, но он ободряюще улыбнулся.

– Я Саша, а вы?

– А меня зовут Юля, – улыбнулась она в ответ.

– Вот и прекрасно. Кстати, у вас очень приятные духи. – Степанов с энтузиазмом достал из портфеля еще одну банку пива. – Предлагаю выпить за знакомство. И не говорите, что вы на работе, вам нельзя...

– Но я действительно на работе...

Степанов засмеялся.

– И что? Мы же не водку собираемся распивать, а баночка пива весенним вечером еще никому не повредила.

Он дернул за кольцо на банке и, открыв ее, придвинул Юле.

– Вот, пожалуйста. Отличное немецкое, хоть и немного крепковатое на мой вкус. И бутербродик все-таки возьмите.

Юля застенчиво улыбнулась, но банку взяла и сделала глоток.

– Действительно, хорошее пиво. Я такое не пробовала. А колбаса ливерная?

– Ага. Не любите такую?

Юля покачала головой.

– Не, я иногда коту своему покупаю. А сама не люблю.

Степанов с аппетитом съел один бутерброд.

– А мне нравится. Знаете, как раз благодаря бутербродам с ливерной колбасой появился гимн пионерской организации. Помните – взвейтесь кострами, синие ночи...

Юля заинтересовано приподняла брови.

– Да? Интересно. Расскажите, пожалуйста, я не слышала эту историю...

Степанов поудобнее уселся на стуле.

– История действительно интересная. Двадцать второй год. Два друга – начинающий поэт и молодой композитор. Голодные и амбициозные. Крупская поручила им сочинить гимн пионерии. Времени в обрез, мыслей ноль. Фурманов даже предлагал им переделать какую-нибудь популярную песню.

У Юли в глазах мелькнул интерес, вызванный знакомой фамилией.

– Фурманов – это который у Чапаева комиссаром был?

– Да, он. Чапаев у него еще жену пытался отбить, Анну. Они из-за нее поссорились. Но не о нем речь. Возле Большого театра творческий дуэт встретил знакомую, еврейку Фиру, она как раз распространяла среди молодежи бесплатные билеты. На оперу «Фауст» Гуно. Они пошли, но им не понравилось и в антракте они решили уйти. А Фира их перехватила, повела в буфет и накормила бутербродами. С ливерной колбасой.

Она спросила:

– И они остались?

– Ну да. Неудобно ведь перед Фирой. А во втором акте как раз услышали ту самую мелодию, что им была нужна. У Гуно это был «Марш солдат» со словами: «Башни с зубцами, нам покоритесь! Гордые девы, нам улыбнитесь!» Дальше уж было несложно – слова переделать, да музыку чуть подогнать.

– Надо же, как ливерная колбаса на историю повлияла, – засмеялась Юля. – А мы в школе пели гимн и не догадывались.

– О-о, мы много о чем не догадывались... Да и сами создатели гимна вряд ли тогда могли знать, как сложится их судьба. Один из них потом много лет в лагерях провел как изменник Родины. Говорили, что он когда-то состоял в Ордене Света – это типа масонов русских.

– А вы здесь из-за Берсенева? Ну, библиотекаря нашего бывшего...

Степанов подтвердил и в свою очередь спросил:

– Знали его?

Юля неопределенно повела плечами.

– В лицо, конечно, знала. Мы иногда даже разговаривали. Но вот чтобы прямо дружить или общаться, такого не было... Вы думаете, он в каком-то тайном обществе состоял?

Степанов хмыкнул от неожиданности.

– Почему вы так решили?

– Во-первых, госбезопасность просто так не приедет, – рассудительно ответила она. – А, во-вторых, он необычным был. Мне он всегда казался очень загадочным. Не соответствовал он нашей дыре. И деньги кому-то отправлял телеграфом, но почему-то из райцентра, а не с нашей почты. Я его один раз в Кимовске видела на почтамте.

– Не знаете, кому?

– Да ну, откуда? Просто так совпало, я через два человека в очереди стояла, конверты хотела купить, вот и услышала. Кассирша еще спросила – в Петрозаводск?

Степанов подробно расспросил Юлю об этом случае, но больше никаких зацепок не получил. Постепенно разговор перекинулся с библиотекаря на отвлеченные темы, за жизнь. Пиво кончилось, но Юля сбегала вниз, принесла бутылку яблочной наливки, и беседа снова оживилась.

Смех Юли становился громче и задорнее, рассказы Степанова проще и смешнее, взгляды, которыми они обменивались, более долгими и обволакивающими. В какой-то момент свет в комнате погас, хотя Степанов точно не смог бы сказать, кто из них щелкнул старым выключа-

телем. А в наступившей темноте ритмично заскрипела кровать с металлической панцирной сеткой.

13. Джем

Джем вылез из-за руля и с удовольствием вдохнул свежий ночной воздух. Запах весеннего леса взбудрил его, прогнав сон. Иван Иванович тоже вышел из машины, потягиваясь и разминая ноги. Джем подошел к окошку, чтобы оплатить заправку, но там никого не было. Он несколько раз постучал по стеклу, не сомневаясь, что оператор просто спит – вряд ли тут вообще кто-то ездил ночью. До ближайшего города километров двести, остатка в баке могло и не хватить. Правда, в багажнике лежала десятилитровая канистра – запас на самый крайний случай, но полагаться только на него Дjemu не хотелось.

Ему все-таки удалось разбудить заправщицу – полную женщину в синем халате. Она хмуро извинилась и включила колонку. Пока Джем заливал бензин, Иван Иванович достал из багажника бумажный пакет, бутылку воды и спросил:

– В машине перекусим или здесь?

Джем пожал плечами.

– Да вроде не очень холодно, можно и здесь. В машине еще насидимся.

Бутерброды оказались вкуснейшими. Пласты копченого мяса, переложенные тонко нарезанными маринованными огурцами на ароматном черном хлебе – Джем только что не урчал от удовольствия, вгрызаясь в них зубами. За всеми переживаниями сегодняшнего дня он только сейчас вспомнил, что еще ничего не ел. Иван Иванович с улыбкой наблюдал, как Джем жадно набивает рот, и предложил ему воды.

– Не ешь всухомятку, водички попей. Перенервничал сегодня?

Джем кивнул.

– Меня ждали в лесу. Две машины. Думаю, ваши друзья. Или не друзья. Или не ваши. Иван Иванович спокойно посмотрел ему в глаза.

– Возможно, это не единственный случай на этом пути.

Джем потянулся за следующим бутербродом и проворчал:

– Если честно, я даже и не сомневался. Иначе вы на общественном транспорте поехали бы.

Иван Иванович предложил:

– Если ты еще осилишь пару часов, давай доедем до Пудожа и где-нибудь поспим. Но можно и здесь остаться, мы пока оторвались ото всех.

– Да, похоже, – согласился Джем. – А вы считаете, нам лучше через Пудож и Вытегру ехать? Мне кажется, там дороги не самые лучшие.

– Я думаю, там затеряться проще. Через Петрозаводск и Олонец, наверное, быстрее, но эту дорогу могут контролировать.

– Я вас понял. Хорошо, двигаемся в Вытегру. Я кофе сейчас заварю, батареечки подзаряджу. На вас делать?

– Да, будь добр, пожалуйста. Кофе сейчас не помешает.

Минут через десять они уселись в машину, держа в руках железные походные кружки с ароматным напитком. Джем откинул спинку сиденья, расположившись поудобнее, и, обжигая губы, делал маленькие глоточки, чувствуя, как испаряются остатки сонливости. Он любил такие моменты – когда есть цель, есть путь и есть возможность. Это сродни творческому подъему, вдохновению – все отступает на второй план, а дорога становится главной.

Дорога всегда успокаивала его, упорядочивала мысли. Ежедневная суета оставалась где-то в городах, а в пути обострялось ощущение жизни, как процесса перемещения в пространстве и во времени из одной точки в другую. Хотя он точно и не знал, есть ли на самом деле время, да и где находится эта, другая, точка, но подозревал, что за пределами этой реальности.

И чувствовал себя скорее наблюдателем, зрителем, перед которым неведомый художник раскрывает свои творения, приглашая быть сопричастным ему, делясь своим миром.

Джем не был религиозным человеком, но давно уже понял, что весь ритм его жизни, ее обстоятельства далеко не случайны. Это не беспорядочная смена декораций и актеров, а тщательно продуманное действие, в котором у него определенная роль. Продуманная кем-то, но не им самим. Плохо было то, что он с этой ролью не успел ознакомиться до выступления и зачастую приходилось импровизировать прямо на ходу. А потом, в краткие минуты антрактов, сидеть и размышлять, все ли сделал правильно.

Он даже кивнул своим мыслям. Да, весь мир театр, и люди в нем актеры. Иван Иванович несколько недоуменно спросил:

– Ты сейчас о чем?

– Я вслух сказал? – засмеялся Джем. – Надо же... Да сейчас вот понял фразу Шекспира...

– Фразу выдуманного человека? – с улыбкой спросил Иван Иванович.

– Почему выдуманного? Вроде бы он реально ведь жил, столько всего понаписал. Ромео и Джульетта, Гамлет там, к примеру, хотя, если честно, я больше не помню. Но знаю, что много всего.

– Потому и выдуманного, что именем реального человека назвали проект целой группы авторов. Шекспир – это бренд, торговая марка.

Джем усмехнулся.

– Интересно у вас получается. Выдуманный Буратино на самом деле реальный человек, а Шекспир – чей-то проект? Хотелось бы подробностей.

– Да какие тут подробности? – Иван Иванович пожал плечами. – Элементарная статистика. Все давно подсчитано. Лексикон Шекспира насчитывает около двадцати тысяч слов. Это примерно в пять раз больше, чем словарный запас современного англичанина с высшим образованием. И раза в три больше, чем у Мильтона, Фрэнсиса Бэкона, Теккерея.

Джем возразил:

– Ну так на то он и гений...

Иван Иванович сочувственно посмотрел на него.

– Ну да. Человек придумал три тысячи новых слов. Просто вдумайся. Три тысячи неологизмов в английском языке. Он их ввел в обиход. Три тысячи! Тебе не кажется, что для деревенского жителя это многовато? В то время как обычный человек обходится всего двумя тысячами слов. Я уж не буду тебя утомлять детальным разбором произведений Шекспира. Он демонстрирует познания в юриспруденции, в морском деле, в военном деле, в музыке, в придворном этикете, языке самой высокой знати. То есть эрудицию самую широчайшую. И жизненный опыт.

– То есть вы считаете, что человек не может таким опытом обладать?

– Один человек? Конечно, нет. Жизни не хватит. Там была целая артель авторов, хорошее финансирование и вполне реалистичные цели. И каждый писал о том, что хорошо знал. А когда проект своих целей достиг, его свернули. Ты же слышал, что Шекспир сначала несколько раз предсказал дату своей смерти, а потом в этот день покончил жизнь самоубийством?

Джем допил кофе.

– Нет, не слышал. Нам в школе не рассказывали... А что это за цели у проекта?

– Самые утилитарные. Идеология, пропаганда, создание новой истории. Театр – прекрасное в свое время средство для трансляции нужных идей, для передачи информации. Примерно, как сейчас телевидение. Идеальная возможность вложить в сознание людей события и факты, которых в реальности, возможно, и не происходило. Кроме того, надо было развивать английский язык – великая британская империя должна была иметь благородную и богатую историю, и не менее богатый и благородный язык. Так что проект Шекспир служил сразу нескольким

стратегическим целям. Новая история, новый язык, новая идеология – так рождалась новая страна, ее образ. А как было до Шекспира, особо-то и не знает никто, хотя...

Он сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Пифагор ведь когда-то сказал: «Зрелище мира похоже на зрелище Олимпийских игр: одни приходят туда поторговать, другие – проявить себя, третьи – посмотреть на все это» Или Пифагор так говорил языком Гермеса Трисмегиста, а может, Гермес языком Пифагора, но вторили им потом все, кому не лень – от Платона с Сенекой до Пастернака, а...

Тут в боковое окошко тихонько постучали, и Джем от неожиданности даже вздрогнул. Резко повернувшись, он увидел девчонку странного вида, закутанную в какое-то одеяло. Выглядела она в стиле Вудстока – длинные волосы, шелковая повязка на лбу, затертые до белизны джинсы. В «Сайгоне» много таких бывало, Джемуну они нравились. Неохиппи. Реинкарнация семидесятников. Он нажал кнопку стеклоподъемника и, опустив стекло, спросил:

– Чего тебе, дитя цветов?

У нее от холода зуб на зуб не попадал.

– Возьмите меня с собой, я замерзла до полусмерти...

Джем вопросительно взглянул на Ивана Ивановича. Тот согласно кивнул.

– Любой человек на дороге посылается нам свыше. Хотя и не только на дороге. Возьми девочку. Посмотрим, что небу от нас нужно.

Джем вылез, открыл заднюю дверь и помог девчонке залезть. Потом сел за руль, включил печку и направил потоки горячего воздуха к заднему сиденью. Взревев мощным двигателем, черный внедорожник вырулил с заправки и снова начал наматывать километры ночных дорог.

14. Светлицкий

Он так и просидел в кресле с прикрытыми глазами почти всю ночь, не вставая. Ему нравилось ощущение отсутствия пространства и времени. В такие моменты оно появлялось само, безо всяких усилий, перенося в другую реальность, где привычные и кажущиеся неизблемыми вещи вдруг становились эфемерными и теряли свои очертания.

Светлицкий давно уже разобрался, что на самом деле означают слова средневекового поэта и богослова: «Вы принадлежите к миру измерений, но пришли вы оттуда, где нет никаких измерений. Закройте первую лавку, пора открывать вторую». Бессмысленно щупать слона в темноте, по маленькому фрагменту не составить представления о целом. Можно знать в совершенстве свой кусочек мира, но при этом общая его картина так и останется тайной.

Почему-то вспомнился взгляд Лонгина во время их недавнего разговора. Зачем он пытался его убедить? Ведь знал, что Лонгин не встанет на его сторону. Они шли по Москворецкой набережной, на реке еще стоял лед, хотя в воздухе отчетливо пахло весной. Глядя на красные стены Кремля, Светлицкий рассуждал:

– Брат, здесь все давно перевернуто. Люди верят, что сами хотят определенных вещей. Верят, что нуждаются в этих вещах. Верят, что сами делают свой выбор. Но на самом деле их желания сформированы тем, кто управляет ими.

Лонгин заботливо поддерживал его под локоть, чтобы он не поскользнулся.

– Анри, это не их вина, это их беда. Они не видят истинный мир и даже не задумываются о том, что все может быть по-другому.

– Вот именно, брат. У них нет стремления, нет желания постигать красоту и гармонию такой, как ее задумал Мастер.

– Да, – соглашался Лонгин. – Они лезут на гору и считают, что ее вершина и есть цель их жизни. И верят, что с этой горы увидят то, что даст им силу. И возможность жить вечно. Но рано или поздно большинство сознает, что эта гора выдумана.

– Лонгин, в том-то и дело, что ничего они не сознают. Они все больше превращаются в стадо. Но уверены, что это прогресс. Они считают, что смысл их существования – приятные эмоции и бесконечное потребление благ.

– Брат, вспомни Моисея. – Лонгин немного снисходительно, но по-доброму улыбался. – На Синае он услышал *Muse ke*, по-арамейски – слушай, Моисей. Слово «музыка» оттуда, с горы. Откровение свыше имеет свой ритм и тон, свою мелодию. Чтобы их услышать, надо преодолеть плоское восприятие жизни.

– Так и я про это. Пока Моисей слушал музыку на вершине, его народ поклонился золоту. Люди не хотят жить музыкой откровения, для них это сплошная фальшь. Мир давно наполнен какофонией, в которой уже не разобрать ничего. Они страдают и ненавидят, и чем больше страдают от своей ненависти, тем больше ненавидят.

Лонгин внимательно смотрел в его глаза.

– Брат, мы видим одни и те же проблемы, но делаем противоположные выводы. Я думаю, у каждого человека свои отношения с Творцом и это только их отношения. Никто со стороны не может вмешиваться в них. А ты думаешь, что вправе давать им оценку, судить их и перекраивать этот мир под свое понимание.

– Я не согласен с тобой, Лонгин. Когда-то я действительно считал мудрость абсолютным добром и целью всех устремлений. Но понял, что, если бы человек стал совершенно мудрым и полностью избавился от невежества, эта мудрость разрушила бы его. И невежество дает возможность поддерживать существование. Оно чередуется с мудростью, как день и ночь, и дополняет друг друга.

Светлицкий немного помолчал и продолжил:

– Но баланс давно нарушился, ночь почти не прекращается, а редкие проблески дня воспринимаются как легенда. Изменить это можно только уничтожив ночь. Потому что тогда взойдет новая заря и наступит новый день, и новый мир будет именно такой, каким его создал Мастер.

– Ты действительно думаешь, что эти жезлы помогут исправить мир?

– Так написано в Книге Разиэля. В них скрыта энергия Мастера. И я соберу все три вместе.

– Анри, я думаю, в твоей музыке есть фальшивая нота, а ты сам ее не слышишь. Энергия Мастера может преобразить твою Вселенную, а остальной мир оставь ему самому. Это его творение, мы призваны помогать, а не переделывать на свой лад.

– Лонгин, брат, пойми, Мастер спит. Мы должны его разбудить. В этом наше призвание...

Они разошлись без злобы, крепко обнявшись на прощание. Даже если Лонгин не хотел принять его образ мыслей, он не переставал быть его братом, другом, сотаинником. Просто ему не дано было услышать откровение об истинном предназначении Первого круга.

Сейчас все должен решить звонок Кренделя, но как раз его и не было. Забранное вертикальными жалюзи окно уже посветлело, ранний весенний рассвет вставал над городом. Светлицкий чувствовал, как растет внутреннее напряжение. Если Крендель не выходит на связь, то, возможно, поиски еще не закончились. Оставалось только ждать.

С Кренделем они познакомились лет восемь назад в Крыму у подножия Карадага. Крендель был из иудеев-крымчаков, но от древней веры своих предков у него остался такой винегрет, в котором не разобрался бы и сам Мастер. В нем отлично уживались Тора и Тор, Вальхалла и Гадес, а к ним примешивались исламские мотивы. В начале восьмидесятых Крендель полтора года провел в Афганистане, но из его путаных рассказов не всегда было понятно, на чьей стороне он воевал – иногда даже закрадывалось подозрение, что он просто ходил с караванами контрабандистов.

Крендель безошибочно узнал в высоком седом путешественнике не праздного туриста, а посвященного, который точно знал свою цель. И предложил свои услуги проводника, взявшись провести к месту силы на вершине горы.

Карадаг во все времена притягивал знающих людей. Не зря его объявили заповедником, чтобы отсечь потоки туристов. Тот, кто не ощупывает в темноте хобот или уши, знает, что Карадаг – это последнее пристанище Гермеса Трисмегиста, Трижды Величайшего.

Труды Гермеса, или Меркурия, как его называли в Риме, были хорошо известны на заре христианства. На них ссылались и блаженный Августин, и Климент Александрийский. А в средние века трактаты Гермеса были настольными книгами всех алхимиков и магов – в них подробно объяснялось устройство мира духов и способы взаимодействия с ними. Мусульмане знают Гермеса как пророка Идриса.

Они с Кренделем тогда заночевали на горе, и это действительно была особенная ночь. Кренделя, который тащил на себе все их вещи, сон сморил сразу после нехитрого ужина, а Светлицкий почти до самого рассвета простоял, вглядываясь в бесконечное звездное небо, нависшее над бескрайней чернотой моря. Сухой ветер со стороны степей щекотал ноздри неповторимыми ароматами лета. Трещали цикады, и туго хлопали крыльями ночные птицы. И именно тогда ему открылся весь механизм до последнего винтика. Он выбрал свободу стать Мастером.

Тихая трель белой трубки радиотелефона нарушила тишину в офисе. Светлицкий даже затаил дыхание и, нажав кнопку, нетерпеливо спросил:

– Нашел?

Голос Кренделя был безрадостным:

– Сгорело все, Андрей Сергеевич. Дом сгорел полностью.

Он почувствовал, как в глубине души что-то оборвалось, но тут же взял себя в руки, еще задавал вопросы Кренделю, но сам уже думал о другом. Придется идти круглым путем, но его это не пугало – он все решил.

– Встретишь меня сегодня в Москве. Попозже созвонись с Костей, он возьмет билеты на самолет, сообщит номер рейса.

– Понял, Андрей Сергеевич.

Закончив разговор с Кренделем, он набрал номер Кости. Тот долго не брал трубку, но, наконец, ответил заспанным голосом:

– Слушаю вас, Андрей Сергеевич. Доброе утро.

Он коротко приказал:

– Мне нужен билет на самолет до Москвы. И два билета из Москвы в Симферополь, на меня и Кренделя. На ближайшие рейсы, сам там определись, что к чему.

– Понял, Андрей Сергеевич.

– В Крыму нам нужна будет машина. Без водителя. И еще, придумай, как отравить в Крым мои стилеты. На самолете опасно.

– Можно поездом, но тогда только через сутки после вас там будут.

– Хорошо. Это приемлемо. Давай, увязывай все.

Светлицкий положил трубку и задумался. Все принимало очень странный и опасный оборот. Лавина постепенно ускорялась и набирала силу, сметая все на своем пути.

15. Степанов

Громкий стук в дверь буквально подкинул Степанова на кровати. Он вынырнул из сна и сел, тупо осматривая темную комнату и пытаясь включиться. Юли рядом не было, но сладковатый запах ее духов еще не выветрился. Стук повторился, и уже придя в себя, Степанов крикнул:

– Кто там?

Грубый голос за дверью ответил:

– Уголовный розыск. Открывайте, товарищ капитан.

Степанов буркнул себе под нос:

– Лечу прямо... – а вслух сказал: – Сейчас, оденусь только.

Он открыл дверь и выпустил в комнату невысокого усатого крепыша в кожаной куртке – оперативника из местного отдела.

– Что случилось? Ты чего среди ночи?

Опер пристально посмотрел ему в глаза.

– Ключи от дома Петрова у тебя?

– Да.

– Ты там случайно чайник не оставил включенным?

Степанов разозлился:

– На хрена ты мне вопросы задаешь? Сказать не можешь, что ли, в чем дело?

– Могу. Сгорел дом. Дотла. Пока пожарники приехали, тушить уже нечего было.

Степанов сел на кровать.

– Ничего себе, ты приходишь с новостями. Версии есть какие-то?

– Да тут одна версия – поджог. Ну, еще маленькая вероятность, что ты забыл чайник выключить... Ладно, ладно, шучу, не заводись. Поедешь на место? Я на машине...

Степанов кивнул.

– Конечно, поеду.

Через пару минут они вышли из гостиницы и сели в старенький жигуленок. Опер задумчиво сказал:

– У нас в городке такого давно не было. Похоже, библиотекарь очень непрост был. Интересно, что сразу не подожгли дом, как его убили. Может, вспугнул кто-то убийцу, и он не успел? Решил попозже, когда шум уляжется?

Степанов немного подумал.

– И сидел здесь в городке сутки? Где каждый человек на виду? Или он местный?

Опер покачал головой.

– Стопудово не местный. У нас могут по пьяни морду расколотить, могут даже ножиком проткнуть, но вот так чисто и хладнокровно в человека стилет воткнуть... Да и где бы еще такой стилет наши местные злыдни раздобыли... Это ж не финка какая-нибудь и не эковская заточка.

Они подъехали к толпе, собравшейся поглазеть на пожар. Несколько пожарных машин, милицейский уазик и еще пара машин стояли у забора. Степанов увидел здесь и «Волгу» уполномоченного госбезопасности. Дом действительно сгорел почти полностью, остались только обугленные венцы да несколько бревен. Пожарные из шланга проливали дымящиеся развалины. Отвратительный запах мокрого горелого дерева разносился далеко по улице.

Степанов подошел к коллеге. Тот снова был в своем сером костюме – аккуратный и подтянутый Джеймс Бонд. Даже среди ночи его темные волосы были аккуратно причесаны.

– Привет, капитан. Что думаешь по этому поводу?

Тот индифферентно пожал плечами.

– А что тут думать? Не наш случай. Пусть коллеги из смежного ведомства голову ломают. Поджог по их части, убийство тоже. Наше дело, в случае чего, контролировать ход расследования и начальство их в тонусе держать.

Степанов хмыкнул.

– А если расследование на организацию выведет? Уж больно занятная библиотека у Петрова была, да и записи тоже...

– Вот тогда мы и будем думать, капитан. Кстати, через сорок минут первый автобус на Кимовск, ты не хочешь на него успеть? Из Кимовска до Тулы проще уехать, чем отсюда. Я так понимаю, тебе здесь больше делать нечего...

– Спровадить меня хочешь поскорее?

«Джеймс Бонд» улыбнулся.

– Для твоего же удобства. Из Епифани первый автобус на Тулу только в одиннадцать часов будет, охота тебе околачиваться в нашем захолустье...

– Вообще, ты, конечно, прав. Подбросишь меня на автостанцию?

«Бонд» улыбнулся с преувеличенным дружелюбием и с сожалением качнул головой.

– Я пока тут останусь, уж прослежу за всем до конца. Я скажу Семену, оперу из уголовки, с которым ты приехал, он тебя отвезет.

Степанову показалось, что уполномоченный тяготеет его присутствием. С другой стороны, это вполне объяснимо – Степанов хоть и не был его начальником, но прислан областным руководством. И видеть на своей земле коллегу с не совсем понятными задачами не очень-то приятно. Вдруг выплывет то, что можно будет истолковать как недоработку местного сотрудника. Да и в любом случае начальство всегда найдет, что поставить на вид.

Степанов протянул ему руку.

– Ладно, будь здоров. Если появится что интересное, звони.

Хотя точно знал, что тот ни за что не позвонит.

Опер Семен повез Степанова на автостанцию. По дороге оба молчали, и только когда жигуленок остановился на площади перед деревянным навесом с надписью «Епифань», опер сказал:

– По-моему, тут не банда задействована, а какая-то организация.

Степанов удивленно посмотрел на него. Это переключалось с его мыслями, но ему хотелось услышать аргументы.

– Почему ты так решил?

– Я не решил. Просто интуиция. Берсенева убийцу знал, они разговаривали, судя по всему. Разговор пошел не туда, Берсенева убили. Вряд ли это было запланировано, но убийца такой вариант в голове держал, потому что пришел со стилетом.

– А почему думаешь, что не запланировано?

– Потому что, если бы он все планировал, то не стал бы откладывать поджог – наоборот, логичнее было бы сразу поджечь, все следы уничтожить.

Степанов кивнул.

– Хорошо. Сразу поджечь не получилось, надо было уходить, что-то помешало ему. Но зачем сегодня поджигать? Когда уже поработала бригада, эксперты, опера?

– Значит, они хотели избавиться от всего, что в доме – для них это важнее даже каких-то гипотетических следов убийства. И они прислали другого человека – исполнителя. Поэтому я и думаю, что там организация. А сегодня приезжал кто-то типа чистильщика.

Степанов улыбнулся.

– Ты боевиков пересмотрел. Хотя я с тобой в основном соглашусь. Я тоже думаю, тут какая-то группа действует – насчет организации слишком громко сказано, это никак пока не прослеживается. Но вот некоторая группа вырисовывается. Я думаю, тут надо тянуть связи Берсенева в Москве – или куда он ездил каждый месяц. Все равно тебе придется эти версии

отрабатывать, поэтому я тебя попрошу – держи меня в курсе. Малейшие новости – сразу звони. А я тебе, если что, подкину.

Семен немного задумался.

– Твой коллега по-любому начнет прыгать у меня на голове. Думаю, он так и так будет в курсе расследования. Почему тебе у него не спросить?

– Сам знаешь, информация ценнее из первоисточника. Так что звони обязательно.

– Ладно. Договорились.

– Вот тебе аванс небольшой. Администратор гостиницы, Юля, как-то видела Берсенева в Кимовске на почтамте, он телеграфом отправлял деньги кому-то в Петрозаводск. Думаю, надо это отработать.

Степанов вышел из машины и вскоре занял место у окна в полупустом автобусе.

16. Джем

Черный внедорожник мчал по трассе прямо навстречу рассвету. Розовый край неба ослепительно вспыхнул яркой утренней зарей, разгоняя остатки ночи, и Джем сразу же почувствовал себя бодрее. Он прикинул, что сможет продержаться еще часа четыре, а там можно будет и немного поспать. Иван Иванович молча сидел и смотрел на дорогу, думая о чем-то своем. Джем время от времени поглядывал в салонное зеркало на девчонку – она перестала трястись, отогрелась и теперь с любопытством смотрела по сторонам. Поймав на себе его взгляд в зеркале, она спросила:

– А куда вы едете?

Иван Иванович обернулся к ней и коротко ответил:

– В Феодосию.

Джем заметил, что девчонка слегка изменилась в лице. Она откинулась на спинку сиденья и о чем-то задумалась. Потом спросила:

– Можно, я с вами?

Джем засмеялся.

– Дома ругать не будут? Феодосия – это не быстро.

Иван Иванович кивнул.

– Да, ты можешь ехать с нами. Как тебя зовут?

– Янка.

Джем весело представился.

– А я Джем. Просто Джем.

Иван Иванович тоже назвал свое имя, и Янка спросила:

– Скажите, а вы вечером не были на горе Тарно? Вы очень похожи на одного человека...

Иван Иванович снова повернулся к ней и многозначительно ответил:

– На все вопросы рассмеюсь я тихо, на все вопросы не будет ответа, ведь имя мое – иероглиф, мои одежды залатаны ветром... Есть такая песня, я слышал как-то... Нет, Янка, на горе Тарно я не был.

Джем быстро посмотрел на Ивана Ивановича, потом снова перевел взгляд в зеркало на Янку.

– Я что-то не очень понимаю. Вы знакомы, что ли?

Иван Иванович приподнял одну бровь, обозначив удивление.

– С чего ты взял? Мало ли кому что приснится...

Джем только рукой махнул.

– Ладно, я уже понимаю, что у вас все непросто. А ты, Янка, что ночью в лесу делала?

Она немножко съязвила:

– Если я скажу, что гуляла, ты же все равно не поверишь?

– Знаешь, я уже столько всего слышал и видел, что верю всему. Ты, небось, проголодалась на прогулке? У нас есть вкуснейшие бутерброды с копченым мясом... Хочешь? А то мы только в Вытегре планировали остановиться.

Янка отказалась.

– Нет, спасибо, я есть не хочу, но с удовольствием вздремнула бы пару часов.

– Прямо за спинкой, в багажнике, лежит подушка. Ты можешь ее достать и расположиться с полным комфортом. Можешь даже снять кеды и лечь поспать, если хочешь.

Янка сначала отказалась из ложной скромности, но потом передумала и действительно вытащила небольшую кожаную подушечку. Джем засмеялся.

– Давай, давай, не стесняйся, устраивайся поудобнее. Будет ланч, мы тебя разбудим. В долгой дороге главное – хорошо поесть. Хотя, наверное, это не только дороги касается. Как

говорится, лучше переест, чем недоспать. Честно сказать, я бы сам сейчас залег минут на пятьсот...

Иван Иванович предложил:

– Если уже сил нет, давай остановимся, поспишь. Какой смысл над собой эксперименты ставить?

Джем помотал головой.

– Не-е, надо придерживаться плана. Я думаю, до Вологды дотяну, там остановку сделаем. Вы лучше рассказывайте мне мировую историю евреев...

Иван Иванович усмехнулся.

– Да нет никакой мировой истории. Вся история – это великое множество маленьких историй. А уж как их интерпретировать, зависит от многих факторов. В основном, от политических установок заказчика. Ты же понимаешь, что у любой истории есть заказчик? То есть тот, в чьих интересах она пишется?

Джем искоса взглянул на собеседника, чтобы понять, насколько серьезно тот говорит. Иван Иванович перехватил его взгляд и улыбнулся.

– Ну-у, Джем, нам реально придется начать с азов. Хотя торопиться некуда, конечно. Ладно, слушай базовые вещи. Откуда нам известно про какие-то события, факты, которым уже много веков?

– Хе, есть же летописи всякие, источники исторические, разве нет?

– Есть. Давай порассуждаем, кто их писал.

– Понятно кто. Летописец какой-нибудь. Нестор. Или еще кто-то.

– Допустим. Сразу же возникает вопрос о его личности. Кем он был, на что жил, где брал бумагу или там, к примеру, папирус, чернила, ручки, карандаши. То есть он же не сам от себя писал – был кто-то, кто оплачивал этот труд. Условный заказчик. И ты думаешь, летописец мог написать что-то сам от себя, а не то, что от него хотел заказчик?

Джем немного подумал и согласился.

– Ну так-то, конечно. Писал, что ему скажут.

Иван Иванович продолжил:

– Вот. А у заказчика могут быть свои планы – и стратегические, и тактические. Тот, кто говорит летописцу, что писать, хочет передать свое видение тех или иных событий. И как было на самом деле, не знает никто. Тем более летописец не равно очевидец. Ты вот на свежих примерах нашей современной истории посмотри, что происходит. Все по-разному трактуют даже то, что происходит вроде бы на наших глазах. Интерпретируют, наделяют другими смыслами, иногда откровенно врут, искажая действительность. Что в итоге?

– Да понятно что. Сплошная ложь кругом.

– А почему ты думаешь, что раньше было что-то не так? Или у людей не было личных интересов, а вот только забота, чтобы потомки получили объективную информацию?

– Так ведь ученые, историки, археологи – вся наука... Нет, Иван Иванович, я вообще тут с вами не согласен.

Иван Иванович не обиделся.

– Так я и не жду от тебя ничего. Просто рассказываю. Прими это за дорожные байки. И просто подумай над таким фактом. До шестнадцатого века не было общей хронологии мировых событий. До шестнадцатого века не было подробной карты мира. И все это было подготовлено и разработано членами Общества Иисуса. Иезуитами.

– А почему иезуитами?

– По факту. Им было открыто знание. Так уж получилось, что наиболее выдающиеся ученые того времени состояли в Обществе. Но потом начали появляться другие версии, другие истории. Появилось слишком много желающих интерпретировать что-то в свою пользу.

– Звучит убедительно, – согласился Джем. – В целом ваша мысль мне понятна – история этого мира выдумана. И используется для того, чтобы проще было управлять людьми. Так?

Иван Иванович внимательно посмотрел на него, и глаза его уже не улыбались.

– Абсолютно. В каждой стране теперь есть своя собственная история, которая обосновывает ее настоящее. А вот настоящая история известна очень немногим.

– Кому же?

– Истинная история этого мира – это история творения. Чтобы ее узнать, необходимо знать Творца. А на это способны лишь избранные.

Джем почувствовал, что у него мурашки пробежали по спине, хотя он считал себя достаточно толстокожим. И на какую-то долю секунды ему показалось, что от привычной вселенной ничего не осталось, кроме дороги и одинокой машины на ней.

17. Степанов

Настроение было поганое. Объективно, конечно, все понимали, что вины Степанова нет никакой, но задание осталось невыполненным. И это угнетало. Обратную дорогу в автобусе Степанов продремал, но даже сквозь сон мозг сам подбирал формулировки доклада начальству, и теперь в кабинете майора Степанов пытался говорить нейтрально, но у него это не очень получалось. Начальник смотрел сквозь него и задумчиво барабанил пальцами по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.